

Вера
Колесико

Т
о
б
о
й

я

с
т
а
н
у

Что делать родителям с трудным ребенком, который каждый день вгоняет их в стресс? Конечно же, отправить в ссылку. Так красавица дочка из благополучной семьи оказывается в интернате на дальнем Севере. Но жизнь - это качели, как говорит бабушка Риты. Оказывается, именно здесь, на родине оленеводов, где живут ханты и манси, четырнадцатилетней девочке предстоит встретить его - талантливого черноволосого мальчика. Только как защитить свою любовь от нападок окружающих? Надо бороться!

Вера Копейко
Тобой я стану

Копейко, Вера Васильевна. Тобой я стану / Вера Копейко. — М.: АСТ: Астрель, 2007. — 126, [1] с. — (Роман для девочек). ISBN 978-5-17-045546-1, 978-5-271-16941-0

Аннотация

Что делать родителям с трудным ребенком, который каждый день вгоняет их в стресс?

Конечно же, отправить в ссылку.

Так красавица дочка из благополучной семьи оказывается в интернате на дальнем Севере.

Но жизнь — это качели, как говорит бабушка Риты. Оказывается, именно здесь, на родине оленеводов, где живут ханты и манси, четырнадцатилетней девочке предстоит встретить ЕГО — талантливого черноволосого мальчика.

Только как защитить свою любовь от нападок окружающих?

Надо бороться!..

Вера Копейко
Тобой я стану

Глава 1. Один билет в «ссылку»

— Все дело в глобальном потеплении климата, — сказала Светлана Андреевна и вздохнула.

В ее вздохе любой человек с тонким слухом заметил бы робкую ноту облегчения. Муж, Николай Дмитриевич Маслов, был именно таким человеком. От слов жены, точнее, от интонации, с которой она говорила, он испытал некоторое облегчение. Это означало, что больше незачем что-то искать, чтобы успокоить взволнованную жену.

Конечно, очередная выходка дочери Риты никуда не годится. Она угрожала самой настоящей опасностью — не только ей самой, не только семье Масловых, но и всему

семидесятиквартирному кирпичному дому. В ушах Николая Дмитриевича все еще звучал отчаянный стон жены: «А если бы... произошло короткое замыкание? Они же подключились сами... Туда, куда нельзя...» Потом она всхлипывала, прикладывая к носу белоснежный платочек.

Этот платочек умилял его и смешил одновременно. Его даритель, младший сынишка Петруша, поднес маме на День святого Валентина. Откуда малыш узнал об этом странноватом празднике, отец понятия не имел. Но, видимо, теперь у дошколят свои источники информации. Петруша заявил, что первая буква маминого имени, если писать его по-иностранному, и «буква доллар» одно и то же «S».

Родители и сестра Рита не собирались разуверять его. Платочек на самом деле был хорош если не спорным вензелем, то размером. Светлана Андреевна плакала уже второй час, но все еще оставалось сухое место на белоснежной ткани.

Николай Дмитриевич вздыхал, обнимал жену, говорил голосом более уверенным, чем позволяли ему собственные познания в электричестве:

— Светик мой, нельзя подключиться туда, куда нельзя. Если они подключились, значит, можно, точнее — возможно. Перестань, а?

Николай Дмитриевич чувствовал, как плечи жены расслабляются, а он мысленно благодарил неведомого учителя физики, который научил своих учеников обращаться с электричеством.

Но об этом он не собирался говорить жене. Слава Богу, она нашла объяснение сама. Неважно, насколько оно имеет отношение к экстремальной, но весьма современной выходке дочери. Главное — у жены есть якорь, который, наконец, сможет удержать ее от дальнейшего поиска причин случившегося.

— Ты говоришь, глобальное потепление? Интересный взгляд, Светик. Пожалуй, ты права. — Муж свел брови на переносице, отчего морщинки на лбу наперегонки побежали под волосы, рыжеватой шапкой нависшие надо лбом. — Что ж, — он покрутил носом, словно принюхивался к чему-то особенному. Ничем посторонним не пахло. Он уловил легкий аромат духов, которые сам подарил жене на Новый год. — Значит, — чуть тише, словно желая привлечь особое внимание жены к тому, что сейчас скажет, — наша дочь тонко улавливает перемены в природе?

Светлана Андреевна заложила за ухо светлую длинную прядь, от чего пышное облачко волос поникло на один бок.

— Другого объяснения неумной энергии Маргариты я найти не могу, — призналась она. Потом с жаром добавила: — Я читала в Интернете: уже доказано — парниковый эффект влияет на энергетику человека, особенно юного. Он становится чрезмерно активным, неуправляемым...

— Ага, этот юный человек дико возбуждается, приглашает незнакомых людей на наш чердак и устраивает там блинную? — Николай Дмитриевич не мог удержаться от насмешки.

— Коля, но... потом я все-таки поняла, — она снова приложила платок к глазам, — наша дочь не могла поступить иначе. Она обещала... — Светлана Андреевна сделала особенное ударение на слове «обещала». — Ты сам неустанно призываешь нас исполнять свои обещания. Или не обещать. — Она выпрямила спину и посмотрела мужу в лицо красными от слез глазами.

— Да, конечно, — согласился Николай Дмитриевич. — И буду призывать всегда.

В это самое время Рита сидела в своей комнате и складывала мозаику. Должен

получиться дворец, достойный испанского гранда, но у нее выходил какой-то эскимосский вигвам. Однажды она уже собирала такую. Может быть, в коробку положили не то, что написано? Все перепутали?

«Перепутали, — передразнила она себя, — но не в коробках». Она отодвинула от себя вигвам и вздохнула. Вся жизнь обещала перепутаться, причем сильно. Ее отцу, инженеру-нефтянику, предложили поехать на самый Крайний Север, на буровую. А потом, если он покажет себя лучше всех, его возьмут в главный офис компании. Может, даже в Москву.

Но на буровой нет школы. Если бы не «блинное дело», как назвал его папа, она осталась бы здесь, дома. Бабушка готова приехать в Тюмень из Екатеринбурга и жить с ней. Но после скандала на весь дом этот вариант отпал.

А что предлагают родители? Подумать только! Ее хотят запереть на целый год в школу-интернат. И куда! В далекий поселок Тырныват.

Рита откинулась в кресле, изображая полный упадок сил. Она закрыла глаза. Но ненадолго. Потому что под закрытыми веками начали выстраиваться чумы, ездовые собаки, которые тащат за собой нарты, груженные рыбой и мясом... Олени... Целые стада. Ну что там еще? Ах, да, конечно, местные дети — ханты и манси.

Она быстро открыла глаза. А что? Разве не приключение? Кроме того, этот Тырныват выбран не просто так. Директор школы-интерната — мамина подруга, с которой они вместе учились в университете, жили в одной комнате в общежитии. Мама с особенным придыханием говорит, что только Галине, педагогу от Бога, можно доверить такой «ртутно-подвижный характер», как Ритин.

Рита понимала, что сама заказала себе билет в «ссылку». Но как она могла поступить иначе, если все вышло само собой? Разве можно избежать неизбежного?

Глава 2. «Блинное дело»

Это произошло во второй день Масленицы. В городском парке — праздник. С ледяных горок катались взрослые и дети, Рита с компанией со свистом летала на пластиковых санках с самых крутых горок. Дымились жаровни с блинами с утра до позднего вечера. Казалось, весь город пропитан блинным духом: дома, деревья, сугробы, шубы, воротники, шарфы — абсолютно все!

День короткий, но уличные фонари вспыхивают ярко, как только свет начинает дрожать — похоже на дерганье люминесцентной лампы, когда она собирается перегореть на площадке их этажа. При свете фонарей кататься еще веселей. И Рита снова летала, летала...

Наконец, самые большие фонари в парке погасли, что означало конец веселью.

— Я догоню вас! — крикнула она приятелям. Сегодня она решила скатиться с горы стоя.

Рита в миг одолела горку, на бешеной скорости она уже скользила по равнине, по накатанной дорожке. Внезапно в глазах померкло, а потом вспыхнуло разноцветными огнями. «Фейерверк», — мелькнула в голове мысль и погасла. Потом погас фейерверк. «У него такое свойство, — подумала Рита, — вспыхнуть ярко, рассыпаться огнями и все...»

Она открыла глаза и увидела над собой лицо. Оно выглядывало из капюшона, отороченного серым енотовым хвостом. Рядом с ним другое — девичье.

— Ты не расшиблась? — спросил парень. — Пощупай ее, Милка, — велел парень.

Рита почувствовала, как цепкие теплые руки нырнули под куртку, прошли по ее шее,

бокам, бедрам, ногам.

— Нигде не больно? — спросила девушка.

— Н-нет, — пробормотала Рита, пытаясь сесть.

Парень подхватил ее под мышки, она встала.

— Тебе не больно, это хорошо, — сказал он. — А вот ей, — он кивнул на грудку фанеры, перемешанную с металлом и проводами, — конец.

Рита пожалала плечами.

— Ты не знаешь, что это, да? — продолжал он.

— Нет, — сказала Рита, озираясь по сторонам. Никого из знакомых нет. Холодок закрался не только под куртку, а глубже.

— Это наша с Милкой тачанка, — объяснил он.

— Т-тачанка? — пыталась сообразить Рита. — Какая?

— Теперь не расскажешь, какая. Разлетелась в щепу. Она-то... черт с ней, но блиннице — конец.

— Блиннице? — переспросила Рита.

— Плохо слышишь, да? Уши отшибло? А поглядеть на тебя — не скажешь. Курточка на пуху, шапочка на меху. Варежки тоже, — перечислял он, оглядывая Риту в слабом свете дальних фонарей парка. — Чем платить-то будешь?

— П-п-платить? — Теперь Рита уже заикалась по-настоящему.

— А как иначе? Ты лишила нас с Милкой дохода.

— Я? Лишила?

— А кто же? Милка — моя старшая сестра, печет блины на этом аппарате. Теперь надо говорить: «пекла». Мы их продавали таким, как ты. Соображаешь, как ты нас тормознула?

Рита рассмотрела, наконец, того, кто стоял перед ней. Этот парень постарше, чем она, немного.

— Ох, откуда ты взялся, — тоскливо пробормотала Рита.

— Я-то? Приехал заработать на Масленице. Я из Армизона. Слыхала такое название? Село в Тюменской области.

— Но вы можете печь блины дома, — сказала Рита. — И приносить... сюда.

Парень уставился на нее, потом снял рукавицу и покрутил пальцем у виска.

— Ты станешь есть холодные или мороженые блины?

— Почему мороженые?

— Потому что мы с Милкой живем у тетки за городом. — Рита шмыгнула носом. — Так что давай — или плати за все блины, которые мы испекли бы до конца Масленицы, или...

— Или что? — спросила Рита.

Парень хмыкнул.

— Или я пойду к твоему отцу, если он у тебя есть, а если нет — к матери. Пускай они платят. Ты разбила нашу вещь. Поняла?

Рита представила себе, что будет, если они явятся к ней домой. Ее волновала не столько блинница и тачанка, другое. Ей строго запрещено кататься с этой опасной горки, да еще стоя.

— Ладно, — сказала она. — Денег у меня нет, к родителям не ходи.

— Тогда что? — Он подступил так близко, что Рита рассмотрела серые глаза и бледные веснушки на носу.

— Ну, да, гляди, я рыжий. Рыжие — бесстыжие, слыхала? Я с тебя все равно свое

получу, — пообещал он.

— Знаешь... — Рита соображала быстро. — Погоди, ты в каком классе?

— А что? Может, тебе еще оценки показать?

— Да нет, ты физику проходил?

— Тебе лампочку вставить? Говори, куда?

Она пропустила мимо ушей его насмешку.

— Ты можешь врезаться в электросеть?

— Где? — Он сощурился.

— На чердаке. У нас, над нами.

Он присвистнул.

— Легко. Я, кажется, понял. Рыжие очень сообразительные. — Он засмеялся.

— Ага, и наглые, — добавила Рита беззлобно. Ей понравилось, что парень ловил мысли на лету. — Значит так, я живу через дорогу от парка. На последнем этаже. Я принесу блинницу, у нас дома электрическая, новая, на ней печь очень просто. Я проведу вас с сестрой на чердак, ты подключишься к сети. Понял?

— Нормально, — кивнул он. — Пошли.

— Прямо сейчас?

— А если обманешь? Мне надо знать, как войти в твой подъезд. У вас тут разные коды. Чердак-то на замке? А ключ?

— Поняла, — сказала Рита. — Пошли...

Все получилось так, как задумано. Чердачная блинная начала работать рано утром. Блины получались ровные, румяные. Самые лучшие во всем парке. Дни летели быстро, Масленица должна была вот-вот закончиться. Рита радовалась, что никто ничего не заметил — ни родители, ни соседи.

Все испортил младший брат Риты, Петруша.

— Блины... хочу бли-инчиков, — канючил он, а мама только отмахивалась.

— Петруша, испеку обязательно. Мы не останемся без блинов в эту Масленицу. Обещаю. — Но не пекла.

— Ты чего ноешь? — Рита щелкнула брата по затылку.

— Потому что вкусно пахнет. Я унюхал. Везде блины, а у нас нет.

Рита повела носом. Да уж, пахнет. Она подняла голову и посмотрела на потолок.

— Хочешь, я тебе куплю? — спросила Рита.

— Я хочу мамины блины, — не отступал Петруша.

Рита поняла, что его надо чем-то отвлечь, иначе будет плохо.

— Хочешь, включу стрелялку? — спросила она, вороша его светлые волосы.

Он сбросил ее руку со своей головы, поднял глаза на Риту, сощурился.

— А потом маме нажалуешься, да?

— С чего ты взял? — возмутилась Рита.

— С тебя, — отрезал Петруша. — Ты уже была ябедой.

Рита поморщилась. Да, брат не сочиняет.

— Я никому ничего не скажу, — Рита крутила головой так энергично, что Петруша ухмыльнулся и сказал:

— Не гони ветер, дует. — Он поморщился. — Блинами. Они подгорели где-то.

— Пойдем, — Рита схватила брата за плечи и потащила в кабинет, где стоял компьютер. На самом деле пахло пригоревшим тестом.

Теперь о Петруше можно не беспокоиться. Он нырнул в игру, все его чувства, в том числе обоняние, отключились. Он весь — азарт.

Но вечером появилась еще одна причина для беспокойства.

— Семья! — подала голос мама из кухни. — Кто видел блинницу в последний раз, признайтесь!

Никто не отозвался. Рита замерла над учебником географии.

— Коля, — спрашивала Светлана Андреевна у мужа, — не забрала ли твоя мама ее с собой?

— Моя мама не крадет вещи, даже если они ей очень нравятся, — пророкотал папа.

— Да я так, на всякий случай. Знаешь, многочисленная домашняя техника становится помехой, а не помощью. Взять пароварку, сколько раз я ею воспользовалась? А ведь нам ее подарили на свадьбу.

— Нам ее подарили не для того, чтобы готовить, а чтобы пар спускать, — пошутил папа.

Мама засмеялась.

— Но мы даже этого не делали с ее помощью.

— Наверное, потому, что у нас есть фритюрница.

— Ага, мы поливали друг друга кипящим маслом, ты это хочешь сказать? — отбила папин шар мама.

Рита заметила, что слушает и улыбается. Ей всегда нравилось, когда родители говорили вот так. Они называли это пикировкой.

— В общем, — заключила мама, — я испеку блины по старинке, на чугунной сковороде. — Она не успела перевернуть блин на другой бок, как раздался звонок в дверь.

На пороге появилась соседка Зинаида Ивановна.

— Светочка, у вас счетчик в порядке? Мой крутится, как бешеный.

Светлана Андреевна вышла на площадку, а сердце Риты, если бы оно не билось, а крутилось как счетчик, обогнало бы все счетчики на Земле.

— Нет, смотрите... как обычно. У нас включен холодильник, компьютер... — перечисляла мама.

— У меня только холодильник и настольная лампа. Но какова скорость! Немедленно звоню мастеру, — заявила соседка.

Рита чувствовала себя, по меньшей мере, пантерой, когда бесшумно выскользнула за дверь. Лаз на чердак был как раз над квартирой соседки. Этот армизонский тип говорит, что учил физику? Что знает, как подключиться к сети? Тогда почему он врезался в линию Зинаиды, а не их!

Сцена вышла бы очень бурной, если бы не опасение — их услышат. Обитатели чердака бежали, но уже без всякого сожаления — Масленица кончилась.

Но бурной сцены не избежала сама Рита. Она произошла у Масловых. Соседка вызвала электрика, тот объяснил, где подключались к ее линии. Началось домашнее расследование, отпираться было глупо, поэтому Рита рассказала все. Когда соседка узнала, что у нее над головой пекли блины, она грозила вызвать милицию. Подумать только, на чердаке пекли блины, а если бы короткое замыкание, а если бы...

В общем, разве могли бы родители оставить Риту с бабушкой и уехать так надолго? Не могли.

Глава 3. Ссылка или эмиграция?

— Рита, — голос мамы звучал немного виновато. На то была причина. Она только что рассказала дочери о решении отправить ее в школу-интернат. — Я буду прилетать к тебе на каникулы.

— Светлана, не обещай невозможное, — предупредил папа. — Ты скорее доберешься до индонезийских островов, чем до Тырнывата среди зимы. Мы будем перезваниваться, переписываться... — Рита фыркнула. — Значит ли этот... гм...звук, что ты не собираешься писать нам письма?

— Пап, я, пожалуй, тормознусь. — У Риты вылетело слово, подхваченное у блинных знакомцев.

— Что ты сделаешь? — Папа с интересом посмотрел на дочь.

— Ну как ты не понимаешь? — подскочил Петруша. — Она говорит, что мы не получим от нее никаких писем.

— Спасибо, сын. Я вижу у тебя задатки хорошей профессии.

— Па-ап, а какой? — Петруша подошел к отцу.

— Ты можешь стать переводчиком.

Рита со стоном откинулась на спинку дивана.

— Да кто сейчас пишет письма! — проныла она.

— Хорошо, в таком случае я даю тебе вот это. — Николай Дмитриевич открыл кейс и вынул коробочку.

Рита с готовностью ее взяла, открыла.

— Ох, цифровой диктофон! Классно!

— Надеюсь, ты поняла, что мы с мамой ждем от тебя собрания звуковых писем. Рассказывай обо всем, что происходит. Опыт жизни в интернате для всех нас — новость. И вообще, рассматривай эту поездку как экспедицию. Ты сама говорила, что хочешь пойти по моим стопам, — сказал папа.

— Конечно. По твоим и дальше, — пообещала Рита.

Мама улыбнулась.

— Так далеко, как папа, способен пойти не каждый мужчина.

— Не каждую дочь родители отправляют в интернат, — парировала Рита. Но когда увидела, как сморщились мамины губы, быстро добавила: — Ладно, все решено. Я согласна.

Рита думала, но никак не могла придумать, как поступят родители. Она даже опасалась, что папа откажется от шанса, который ему выпал, и она навсегда останется в истории семьи как камень преткновения на пути к семейному благополучию.

Но вот все и решилось. Ей предстоит год жизни без пристального взгляда родителей на каждый шаг. Всем приключениям приключение. Покруче, чем блины на чердаке.

— Рита, чтобы ты себя чувствовала уверенно с самого первого дня в новой обстановке, я познакомлю тебя с Галиной. То есть с Галиной Даниловной, директором. Она приедет в Тюмень на педагогическую конференцию. Я тебе говорила: она моя подруга, вы полетите в Тырныват вместе с ней.

— Ну что ж, я готова отправиться в ссылку, — объявила Рита. — На далекий Север.

— Как же, — усмехался папа, — в ссылку. С Севера на Север не посылают. Вот если бы мы тебя снарядили куда-нибудь в Крым, тогда могла бы сказать что-то похожее. А вообще-то, Ритка, разве не круто, а? Пожить в ин-тер-нате!

— Знаете, вы, оба, — сказала мама насмешливо, — Галкин интернат — одно название. Моя драгоценная и очень сообразительная Галина превратила то, что ей досталось, в образцово-показательное заведение во всей Сибири. Этот интернат — настоящий европейский пансион... — Она поморщилась, стараясь найти более точное объяснение: — Ну да, он — своего рода извинение перед малыми народами Севера, которых потеснили вы, изрывшие их землю. — Она резко повернулась к мужу. — Вы, которые...

— Стоп, стоп, — папа поднял руку. — Давай не будем углубляться, дорогая, в такие недра...

— А вы, между прочим, только тем и занимаетесь, что копаетесь в недрах земли, которая спокон веку принадлежала малым народностям и...

Рита наблюдала за родителями и думала: интересно, какой на самом деле этот интернат? Он похож на летний лагерь? Там все здорово, но ей не нравилось дежурить по комнате. Надо мыть пол под кроватями. Он крашенный, какой-то липкий, как ни старайся — остаются разводы. Воспитательница невлюбила ее с первого дня неизвестно почему, поэтому в наказание за плохую уборку выдавала ей предписание, как она это называла: дополнительное дежурство.

До сих пор, хотя прошло четыре года, Рита помнит запах влажного пола, выкрашенного рыжей краской.

— Мама, а там полы крашенные? — вдруг спросила Рита.

Родители уставились на нее, словно она заговорила по-китайски.

— А тебе не все равно? — наконец нашелся папа.

— Нет, — Рита насупилась.

— Но почему? — изумилась мама совершенно искренне.

— Неважно. Так они крашенные или нет?

— Да, конечно, нет, — горячо воскликнула мама. — По меньшей мере, там линолеум. Но я думаю, не исключено, что даже паркет. Или ламинат. Он удобней в обращении. Галина рассказывала в прошлом году, что дождала своих спонсоров, они сделали ремонт, который не по карману никому из нас.

— Тогда я согласна, — сказала Рита.

— Значит, ничего, кроме качества тамошнего пола... гм, — папа спрятал улыбку в усы, услышав намек на двусмысленность в собственных словах, — тебя не волнует?

— Нет, — сказала Рита. — Не волнует.

— Значит, договорились, — хором произнесли родители.

— Ага, — сказала она и пошла в свою комнату.

Теперь можно обзвонить всех приятелей и сообщить, что в девятом классе она будет учиться в другой школе. Так куда она улетает в конце лета? В ссылку? В эмиграцию?

Или она улетает... Нет, про «или» она никому не скажет...

Глава 4. Полет навстречу любви

Если бы не «блинное дело», иногда с тоской думала Рита, может быть, ее все-таки оставили бы с бабушкой. Так поступили родители подруги Насти. С тех пор, как они уехали, школьная микротусовка не толкалась на лестнице во втором подъезде между третьим и четвертым этажом. Бабушка пускала их домой спокойно, даже угощала компотом из ранеток, крошечных яблок. Но после того, что в семье Масловых назвали «блинным делом»,

надежды не осталось.

Вообще-то Рита любила неожиданные перемены в жизни. Даже совсем маленькая, она требовала, чтобы ее водили в детский сад разными дорогами.

— Весь город мой, — заявляла Рита. — Почему я хожу только по одной улице?

— В отца, — качала головой бабушка. — Геологом станет.

— Вот уж кого не вгонят в стресс никакие переезды, — говорил папа. — Между прочим, люди с таким характером, как у нас с Ритой, легко приживаются в новых местах. И даже, — он подумал секунду, потом добавил: — В разных странах. Наш тип характера хорош для эмиграции.

Рита вспомнила этот разговор вечером, а утром, за завтраком, сказала родителям:

— Ну ладно, если это не ссылка, то значит эмиграция. В другую страну.

— Ты не так далека от истины, — рассмеялась мама. — Ты на самом деле отправляешься в другую страну. Там живут ханты и манси.

— Они говорят на своем языке? — спросила Рита.

— Да, но, насколько мне известно, они прекрасно знают русский.

Перед тем как сесть за уроки, Рита сняла с полки зеленый «Энциклопедический словарь», прочитала все, что написано о ханты и манси. Оказалось, они издавна расселились по берегам реки Обь. Занимаются охотой, рыболовством, оленеводством. Теперь, если ее станут спрашивать, куда она собралась, Рита знала, что ответить: она отправляется в эмиграцию.

Когда в 8 «А» узнали новость, вокруг нее охали так, что Рита чуть не задохнулась.

— Надо же, никаких тебе родителей! Кайф! — визжал от зависти бритый наголо Витек.

— Там такие олени... У них ресницы, как у Новиковой, — хихикал Мартышка, он же Славик Мартынов, который проходу не давал Ритиной соседке Даше Новиковой. — Я видал на картинке.

Даша звонко шлепнула его по стриженному затылку.

— Ты выучишь два языка, Ритка, я просто рыдаю от зависти, — призналась подруга Настя. Она видела себя в будущем переводчиком со всех языков мира. — Один язык ханты и один язык манси. Целых два!

Рита испытывала что-то еще, кроме обычного волнения перед новым поворотом в жизни. Но что именно? Она искала объяснения чему-то неизвестному, что входило в ее жизнь прямо сейчас. Или она сама менялась, а не обстоятельства?

Ночью, когда Рита лежала в постели с открытыми глазами, она поймала, наконец-то, мысль, которая не давала ей покоя.

Ну конечно, могла бы раньше догадаться, сердилась она на себя, если родители отправляют ее одну в такую даль, если верят, что там она может проучиться весь девятый класс, значит, она уже взрослая? Петруша — ребенок, они берут его с собой. Рита закинула руки за голову, вытянулась во весь рост.

А если она взрослая, значит, с ней может произойти что-то, чего не случалось до сих пор. Такое, чего втайне она желала... Там, на далеком Севере, есть кто-то... Особенный, не похожий на одноклассников...

От этой мысли, даже не разобранной на мелкие мысли-составляющие, у Риты быстро-быстро забилося сердце. Ей хотелось влюбиться по-настоящему. По-другому, чем в детском саду или в школе. Чтобы Он был необычным мальчишкой, не таким, каких она видела рядом с собой до сих пор. А еще лучше, если в него уже кто-то влюблен, какая-нибудь девчонка...

Нет, не какая-нибудь, а очень красивая... Или он сам влюблен в кого-то... Но как только он увидит ее, то сразу забудет про всех девчонок на свете.

«Смешно», — попыталась одернуть себя Рита. Но что-то внутри противилось. Ничего смешного.

Что ж, умные люди говорят: о чем думаешь, то и случится.

Глава 5. А ты не манси!

— Нет, я не манси, — сказала Рита, укладывая на полке глубокого стенного шкафа свои вещи.

Она привезла немного — три пары джинсов, теплые брюки, футболки, свитера. В интернате на занятия все ходят в форме. Она понравилась Рите — брюки в зеленовато-бежевую клетку, бледно-зеленый пиджак и... Вот эта вещь нравилась Рите больше всего — галстук. Настоящий мужской галстук, с рыхлым узлом, чуть небрежно завязанный на бежевой рубашке. К костюму полагались черные лодочки, кожаные, на школьном каблучке.

Рита была высокая девушка — метр семьдесят пять, ей подобрали костюм точно по росту. Портниха осталась довольна — ничего не надо переделывать.

— Ты просто модель, — похвалила она, оглядев новенькую.

Люба, ее соседка по комнате, тоже оглядела Риту. Потом процедила сквозь зубы:

— Неплохо.

В комнате их четверо, Люба — самая близкая соседка Риты. Две другие обитательницы отделены от них деревянной резной ширмой. Директриса считает, что так удобней: и вместе, и в то же время нет.

— Если ты не манси, не ханты, почему ты здесь? — не отставала от новенькой Люба. — Чего тебе здесь надо? — Черные глаза смотрели недружелюбно. — Можно подумать, твой отец пасет оленей в тундре, поэтому тебя сюда прислали. — Она постаралась скривить губы так, чтобы новенькая не сомневалась в ее неодобрительном отношении.

Рита окинула взглядом свою соседку. Тоненькая, невысокая, с черными прямыми волосами до плеч. Волосы такие густые, что кажется, обычная расческа застрянет в них навсегда. Но самое удивительное, у нее синие глаза. Такие яркие, что хочется зажмуриться, потом снова взглянуть и проверить — не померещилось?

— Можно подумать, — фыркнула Рита, — твой отец пасет оленей.

— Конечно, — усмехнулась Люба.

— Не ври, — бросила Рита и снова отвернулась к шкафу, чтобы закрыть полированную дверцу.

— Я не вру, — Люба покачала головой.

— Ты сама-то видела оленя когда-нибудь? — спросила Рита.

— Они везде, — она захихикала. — Рогатые. А мой отец у них начальник.

Рита пожала плечами.

— Не поняла, — Люба нарочито шумно вздохнула. — У моего отца работает стадо разных мужчин, они все рогатые. Как олени. Поняла? Ха-ха!

Рита снова пожала плечами.

— Вообще-то ты сама не манси и не ханты, если то, что я вижу, правда.

— Ты про что? — Люба наклонила голову набок, с интересом посмотрела на Риту.

— У тебя синие глаза или синие линзы? — спросила Рита.

— А-а, вот ты про что. Глаза. Настоящие. — Люба вытаращила их изо всех сил. —
Смотри. Отцовский подарок.

Рита молча ждала, что еще скажет Люба.

И она сказала:

— А ты догадливая. Я полукровка. Мой отец русский, а мать — манси. Таких, как я,
здесь много. Теперь понимаешь, почему у моего отца рогатое стадо подчиненных? Ха-ха-ха!
Но не у всех получаются такие красивые дети. — Она вскинула подбородок, приглашая
любоваться на самом деле прелестным лицом. — Я взяла самое лучшее у обоих родителей,
как все говорят. Я красивая, правда?

Рита уставилась на свою соседку. Такой самоуверенной девчонки она еще не встречала.

— Мой отец покупает все, что я хочу, — хвасталась Люба.

— Интересно, чего такого необыкновенного ты хочешь? — фыркнула Рита, поворачивая
ключ в замке шкафа.

— Ну... Например, вот это. — Люба сунула руку под подушку. — Ты нюхала когда-
нибудь такие духи?

— Какие? Покажи? — Рита отошла от шкафа, потянулась за коробочкой.

— Это духи, в которых есть особенные... Ну как их там?...

— Особенности вещества, — поспешила на помощь Рита. Она сразу заметила, что ее
соседка, как говорила бабушка о своей приятельнице, не оратор.

— Ну да. Как только ими подушишься, на тебя все оборачиваются. Принимаются. —
Люба захихикала.

— Тебе привез их отец? — Рита удивилась.

— Конечно, отец. Маме. Я у нее взяла.

Рита вертела флакон, похожий на яблоко.

— Нажми на хвостик, — сказала Люба.

Рита нажала. Аромат оказался нежный, хотелось вдыхать его снова и снова.

Люба уже сняла блузку, брюки, собираясь надеть ночную рубашку.

— Я всегда душусь на ночь, — продолжала Люба. — Давай. — Она протянула руку.

Рита отдала флакон.

— Зачем? — Рита пожала плечами. — Я на ночь умываюсь и чищу зубы.

— Ты глупая, — фыркнула Люба. — Ты, как все.

— Ага, а ты не как все?

— Я, как мама.

— А что твоя мама? Она душится на ночь? — спросила Рита.

— Конечно. Если бы нет, то меня бы не было на свете.

— Не понимаю, — Рита округлила глаза. — При чем тут...

— Притом, что мой отец — мамин любовник. Ему нравилось, как от нее пахло. — Люба
засмеялась. — Я дитя аромата, так называет меня отец.

Рита молчала, ошарашенная признанием, она не знала, что сказать. Но ей незачем было
напрягаться.

— Любой мужчина западает на запахи, — говорила Люба. — Разве на такой не
западешь? — Она щедро полилась духами. — Нравится?

— Нравится, — сказала Рита. — Но ты уж слишком поливаешься.

— Не-а, отец еще привезет. Он вообще привозит все-все-все. Он ничего, — продолжала
Люба. — Не дал мне свою фамилию, но отчества не пожалел. Я Любовь Валерьевна. У него

другая семья. Но мама говорит, что нам тоже всего хватит. — Люба засмеялась. — Отец богатый, у него своя нефть. А мама очень красивая.

— Ты тоже, — не удержалась Рита. — Ты очень красивая.

— Я знаю, — Люба снова утопила в прозрачное яблоко металлический хвостик серебристого цвета. — Мама говорит, что это — наше все, — она засмеялась.

— Красота?

— Ну да. Мы получим за нее все, что хотим.

Свет погас ровно в одиннадцать, Рита и Люба затихли. В эту ночь, овеянная Любиными духами, Рита видела летние сны. В них все не так, как за окном. Никакой слякоти. Райский остров, на котором она собиралась... печь блины. Единственное, что ее мучило — куда вставить вилку электрической блинницы, если, кроме пальмовых стволов, нет никаких столбов?

Глава 6. То, что способно удивить

В интернате Рите нравилось все, даже дежурства — ничего похожего на лагерные страдания. Наводить чистоту — проще простого: легкие пылесосы для ковров, свежие мохнатые щетки для пола, а для мебели — самые лучшие полироли. Провел один раз салфеткой — блеск!

Но первое дежурство ее удивило. Точнее, соседка Люба. Они должны были привести в порядок свою комнату, а потом пропылесосить половину коридора.

Рита взялась за тряпку, вставила ее в лентяйку и принялась тереть между кроватями. Мама оказалась права — пол покрыт линолеумом, никакой краски рыжего цвета. В коридоре — ковровые дорожки теплого желтовато-оранжевого цвета. На самом деле, корпус, в котором она жила, новый, светлый, с удобной мебелью, сверкающими раковинами и кафелем в душевых.

— Ты скоро? — спросила Рита из-под кровати. — Бери пылесос и...

— Никогда, — услышала она голос Любы, — не убирала и не буду.

— Как это? — Рита чуть не стукнулась головой об угол кровати.

— Обыкновенно, — отвечала Люба ленивым голосом. — Всегда найдется тот, кто за меня уберет. — Рита вынырнула из-под кровати, как выныривают из океана неосторожные пловцы, за которыми гонится акула. — Ты такая быстрая. Вон, уже сделала половину работы за меня. Давай до конца, а?

Рита уставилась на нее.

— Это еще почему? — Внутри вспыхнул огонь.

— А я тебе за это что-нибудь подарю, — продолжала Люба.

— Поищи дураков в другом месте, — прошипела Рита. — Я сделала свою половину, вот и все.

— Ладно, пойду поищу кого-нибудь. — Люба встала с кровати, накинула на себя белоснежный махровый халат и вышла из комнаты.

Очень скоро она вернулась с худенькой девочкой, наверное, класса на два ниже, чем они с Любой.

— Она уберет за меня, — Люба широко улыбалась Рите в лицо.

Рита перевела взгляд на девочку, которая быстро включила пылесос и принялась водить щеткой по короткому ворсу ковра. «В конце концов, ее никто не принуждал, она сама

согласилась», — решила Рита. Она пожала плечами и молча отвернулась.

Когда гудение прекратилось, Рита услышала голос Любы:

— Бери. Спасибо тебе. Придешь в следующий раз?

— Ага, — тихо ответила девочка.

Она не видела, что дала Люба, но по голосу было ясно — она рада.

— Видала? — спросила Люба. — Я дала ей помаду. Немного начатую, но все равно фирменную. Ей никогда такую не купить. А отец привезет мне их столько, всяких помад-румян, сколько я захочу.

Глава 7. Какого цвета молоко оленухи

Класс, в который пришла Рита, оказался небольшой, всего двенадцать человек. Ивана Гришкина она заметила сразу — его темные глаза впились в нее, как только она вошла в кабинет.

У него черные, торчащие ежиком волосы, широкое лицо. Он смотрел на нее, как смотрят на что-то невиданное. Пожалуй, именно так Рита смотрела на осьминога, которого поймали рыбаки, когда она с родителями отдыхала на море. Хотелось пройтись рукой по темно-фиолетовому телу, но было страшновато. А... чего хочется ему? Она искоса наблюдала за Иваном и всякий раз ловила на себе его взгляд. Она уже знала, что он — знаменитость. Певец.

Ну и сравнение придумала — она и осьминог. Самой смешно. И потом, почему бы ему не посмотреть на нее? У нее приятная внешность, она хорошо сложена — по крайней мере, так говорят мамыны подруги. А потом, улыбаясь, добавляют: «Маргарита — не зрелый плод, но дайте срок...» — и по-особому поднимают брови. В общем, ей вполне уютно в своем теле. Пускай смотрит...

— А что скоро будет, — сказала однажды вечером Люба, поливая себя духами.

— Что? — спросила Рита, слегка морщась. Ее начинала утомлять принудительная ароматерапия «по-Любиному».

— В первое воскресенье октября у нас в школе дискотека. Для всех. Директриса хочет познакомить стареньких и новеньких. У меня тако-ое платье! — Люба закатила глаза. — И еще знаешь что? — Люба спустила ноги с кровати, побежала к шкафу.

Рита смотрела, как она роется в куче пакетов, отыскивая нечто.

— Вот.

Люба держала в каждой руке по длинной тончайшей перчатке. Телесного цвета, длинные, они колебались от ее энергичного дыхания. Рите показалось, что в детской книжке — давным-давно — она видела похожие крылышки эльфа. Только они чуть темнее, чем Любины перчатки.

— А к ним у меня тако-ое платье, — повторила она и снова закатила глаза. — Увидишь, — прошептала Люба.

Перчатки красивые, это правда. Но зачем они Любе на школьной дискотеке?

— Твой... — Рита слегка замешкалась, потом спросила: — Отец подарил?

— Ну да. Он говорит, что из меня должна вырасти настоящая европейская девушка.

— А-а... — неопределенно протянула Рита. — Они все в перчатках?

— Ну... конечно, в таких красивых... Кто откажется... — бормотала Люба, поглаживая то левую, то правую. — А ты в чем пойдешь? — Люба обернулась к шкафу, скользнула

взглядом по Ритиным полкам. На них так мало вещей, что они вполне могли уместиться на одной.

— Я? Я пойду в черных брюках, — говорила Рита, — в сиреневой блузке... наверное. Я подумаю.

— Понятно. Черные брюки пока еще никто не отменял, — согласилась Люба. Бросила перчатки на полку, удивив Риту: только что пылинки сдувала, а теперь такой небрежный жест.

Рита отчетливо услышала интонацию телеведущей, которая произнесла точно такую фразу в передаче о моде. Они смотрели ее вместе с Любой.

— Но если хочешь, — услышала Рита глуховатый голос Любы уже из-под одеяла, — я могу тебе что-нибудь дать.

Рита улыбнулась.

— Нет, не надо. Я не ношу чужое.

— Конечно, — с облегчением в голосе подхватила Люба, — мой размер тебе не подойдет.

Иван Гришкин тоже ждал дискотеку, причем с нетерпением. С первого мига, как он увидел Риту, у него зачесались руки: так хотелось погладить ее волосы — светлые, почти белые, настоящие... Никогда он не видел вблизи таких волос. Но не подойдешь на перемене, не скажешь: я хочу потрогать твои волосы. А на дискотеке можно все.

Этот вечер наступил. Большой школьный зал расцвечен разноцветными фонариками, паркет натерт до блеска, сравнимого с блеском льда на катке. Но то, что Рита увидела возле дальней стены, заставило ее замереть. Барная стойка, высокие стулья возле нее — прямо как в настоящем современном клубе. Но кто сидит на этих стульях? Она засмеялась. Первоклашки. Сами залезли или их подсадили? С блаженными лицами они тянули морковный, как она потом узнала, сок из узких бокалов для коктейля.

Первые три танца были общими — танцевали все, кто как мог и как хотел. Первоклашки спрыгнули со своих стульев, возбужденные, они выделяли такие фигуры, что воспитательницы хохотали до слез. Потом они подхватили их и увели.

Теперь в зале остались старшеклассники. Диджей знал, какую музыку хотят поставить.

Иван подошел к Рите.

— Привет, — сказал он. — Ты здорово танцуешь.

— Я занималась гимнастикой, — ответила Рита, слегка краснея. — Целых пять лет.

— У тебя разряд? — спросил он, заставляя ее кружиться.

— Нет, я упала, растянула связки. А потом меня отдали в лыжную секцию. У меня по лыжам первый.

— Правда? Тогда ты приехала в правильное место, — улыбнулся Иван. — Здесь столько снега, можешь кататься с утра до вечера, легко сдашь на мастера.

— Могу, — сказала она. — А ты... поешь, мне рассказывали.

— Ну да. Пою.

— Я когда-нибудь услышу? — Она кокетливо наклонила голову, светлые волосы прикрыли лицо.

Он засмеялся.

— Конечно. У тебя очень красивые волосы, Рита, — сказал он. — Я никогда не видел таких волос... Вблизи. Только в кино или на картинке. Но там они не настоящие. — Он улыбнулся.

— Не настоящие? — Рита удивилась. — Ты думаешь, в кино все в париках?

— Нет, просто они крашенные. Мой отец говорит, что все женщины хотят носить волосы цвета молока оленухи.

— Ох, — фыркнула Рита.

— Ну да, — настаивал Иван. — Такие волосы нравятся мужчинам. — Он улыбнулся. — Мне тоже. Только настоящие. А у тебя настоящие. — Он протянул руку и погладил волосы, которые падали на спину Риты.

Рука обожгла спину еще сильнее, чем взгляд Любы, который устремился на нее. Рукой в перчатке, оттопырив мизинец, она держалась за плечо парня из десятого класса.

— А я, — вдруг осмелела Рита, — я тоже никогда не видела вблизи таких черных волос. Они жесткие? — Она протянула руку и прошла по ежику волос.

— Ну и как? — тихо спросил Иван.

— Интересно, — уклончиво ответила Рита. — А еще интересней услышать, как ты поешь.

— Приходи завтра в четыре. Будет репетиция концерта для спонсоров.

— Приду, конечно.

— Галина Даниловна, наша директриса, говорит, что каждый может что-то предложить для концерта. Ты слышала, они приедут в весенние каникулы?

— Ох, это еще так несо-оро, — протянула Рита.

— Но мы должны удивить гостей чем-то, как говорит она, не тривиальным. А на это нужно время, — ответил Иван. — На самом деле, спонсоры вкладывают совсем не тривиальные деньги в нашу школу-интернат, сама видишь.

— Может быть, мне тоже что-то приготовить? Например, упражнение с лентой? Я еще не забыла гимнастику, — на ходу придумала Рита.

Они танцевали, болтали... Кажется, впервые за полтора месяца новой жизни Рита чувствовала себя так свободно.

Если честно, отправляясь в школу-интернат, она приготовилась к схватке. Она не манси и не ханты, а русская девочка, по странности обстоятельств попавшая в чужой мир. Всего на один год, только на девятый класс, как обещали родители. А эти дети оленеводов и охотников учатся вместе с первого класса и до последнего. Они — свои. Она — чужая.

Но, как оказалось, кто он — свой или чужой — определяется совсем не так, как она думала.

Сказать, что Рита никогда до сих пор не влюблялась, было бы неправдой. Влюблялась, да еще как. В детском саду, в лагере, во дворе. Но по-другому. Она влюблялась в красивую курточку, в джинсы, в велосипед, в мопед. Теперь она видела только Ивана. Спросить ее, как он был одет на дискотеке, — она бы не ответила. Но она могла сказать, что от его взгляда то краснела, то бледнела. У нее изменился голос при нем — точнее, интонации, которые удивляли ее. Она заметила, как у нее дрожали пальцы, когда он брал ее руку в свою. У него горела рука в ее руке... От него так хорошо пахло — свежестью, зимой, хотя в зале жарко. Ей хотелось спросить чем. Но она не посмела.

Но больше всего Рите нравилось, что они понимают друг друга с полуслова. Она начинает фразу, он заканчивает. И наоборот. Никогда и ни с кем у нее такого не случалось.

Иван проводил ее до комнаты.

— До завтра, — сказал он.

— Спокойной ночи, — ответила она.

Глава 8. Два в одном

— Ты... один? Ты пел один? — не верила Рита. Она заглянула за спину — нет ли там кого-то, кто пел бы вторым голосом.

— Один. — Он улыбался. Ему нравилось наблюдать за Ритой. Было ясно, что она потрясена на самом деле, а не изображает.

— Но такого не может быть. Мне кажется, у тебя кто-то стоял за спиной.

— Это я стояла у него за спиной, — услышала она голос Любы. Она возникла из ниоткуда. Рита поморщилась.

Иван, казалось, не слышал Любиных слов, он смотрел на Риту.

— Один. Я пел один. И стоял на сцене тоже один.

— Но я слышала два голоса, — настаивала Рита. — Я кое-что понимаю в пении. Моя мама хорошо поет. Когда она училась в Москве, она пела в хоре студентов МГУ.

Иван кивнул.

— Студенты хорошо поют. Но не так, как я. Я лучше.

Рита фыркнула, у нее уже была готова расхожая фраза: от скромности не умрешь. Но она не произнесла ее. Она вспомнила, как однажды папа в ответ на такую реплику спросил: «А зачем умирать от скромности?» И сам ответил: «Надо жить. Потому лучше жизни пока еще ничего не придумано».

— Значит, ты поешь один двумя голосами сразу? — Рита не могла понять, как это.

— Это называется горловое пение.

— А кто тебя научил?

— Моя мама, — ответил он. — Вообще-то считается, что женщина не должна петь в такой манере. Но если бы мама не нарушила запрет, я никогда бы не научился. Так, как поем мы с ней, умеют петь тувинцы, алтайцы, монголы, башкиры. Для манси такое пение непривычно. Ты правильно услышала двухголосое соло. Я беру две ноты одновременно. — Он усмехнулся. — Ты удивляешься, как европейские путешественники в середине позапрошлого века. Наше пение они описывали как чудо. А что такое чудо? То, что кажется невозможным.

Рита открыла рот, собираясь сказать что-то еще, но Люба, которая не отходила от них, протараторила:

— Иван знаешь кто? «Звонящий мальчик».

— Правда? — Рита посмотрела на Ивана. — Ты — «звонящий мальчик»?

— Ага, — сказал он. — Но не меня первым так назвали. Есть настоящие артисты, они выступают в больших городах, за границей. Там наше пение — экзотика.

— Всем привет, — услышала Рита энергичный голос директрисы. Галина Даниловна подошла, обняла Ивана за плечи. — Иван не только поет, он играет на особых музыкальных инструментах, которые обычно сопровождают такое пение. Напомни мне, Ваня, как они называются? — Галина Даниловна сняла свою руку с плеча, чтобы поправить узел на его темно-синем галстуке. — Вот так лучше. Наш самый талантливый молодой человек должен быть самым красивым, — добавила она.

— Комуз, скифская арфа, ядаган, но это не все, — предупредил Иван, спокойно принимая заботу директрисы.

— А техника, в которой он сейчас пел, — Галина Даниловна посмотрела на Риту, —

наверняка ты никогда не слышала такого слова — называется «кай».

— Слышала, — сказала Рита. — Так зовут мальчика в сказке о Снежной королеве.

— Ах, ну да, конечно! Кай и Герда — герои замечательной сказки, — кивнула директриса. — Но в данном случае «кай» — название техники пения.

— «Кай» — стиль алтайского пения, — уточнил Иван, тоже глядя на Риту. На Любу никто не обращал внимания, но, похоже, это ее не задевало. Она разглядывала свои ногти, покрытые свежим лаком, отыскивая невидимый глазу изъян.

— Что ж, Ваня, — Галина Даниловна тронула его за локоть, — ты пел замечательно, как всегда. Сам знаешь, на тебя особые виды. — Потом, окинув взглядом девочек, заметила: — Я вижу, не у меня одной... — Она шутливо погрозила Ивану пальцем. — Ты должен быть в лучшем виде на концерте для спонсоров. Имей в виду!

— А ты тоже так умеешь петь? — Рита повернулась к Любе.

— Да что ты. Нет, конечно. Я вообще ничего не умею. Зачем? Я просто красивая, — Люба одарила ее одной из самых нежных улыбок. Рита сама видела, как Люба тренировалась перед зеркалом, отыскивая новые варианты улыбок.

Рита хмыкнула.

— Красивая, ну и дальше что? — спросила она.

— Ну и то. Правда, Иван? Я красивая, этого хватит. Ой, мне должны звонить, а я оставила телефон на тумбочке!

Люба умчалась из зала, Иван и Рита наконец остались одни.

Рите так хотелось, чтобы Люба исчезла. Но теперь, когда Иван молча смотрел на нее, она почувствовала неловкость. Рита пыталась придумать вопрос, который не показался бы слишком личным. Зачем Ивану знать, что она все время думает о нем? Что, собираясь на уроки, смотрит на себя в зеркало его глазами. А если она соберет волосы в хвост — Ивану понравится? А если заколет их на висках заколками — будет лучше?...

Зачем ему знать, что, когда он пел, у нее пересохло в горле, а все тело горело, как в огне, и дрожало, как от холода. Казалось, она — это еще один странный музыкальный инструмент, на котором играет Иван Гришкин. Играет, прикасаясь к ней только голосом.

— Скажи, как у тебя получается петь вот так? — наконец придумала она вопрос.

— Легко, — сказал он. — Хочешь, я научу тебя.

Глава 9. Хочу, хочу!

— Хочу, хочу! Я хочу научиться петь, как ты, — повторяла Рита.

Ну конечно, она готова учиться необыкновенному пению. И не только. Она готова прыгать с парашютом, если бы Иван умел и предложил ей. Она научилась бы запускать змея для первоклашек, если бы Иван предложил ей.

— Учи же! — нетерпеливо потребовала она, когда они вышли на пустую сцену. В зале никого. Впрочем, если бы кто-то и был там, сейчас Рита видела только Ивана.

— Быстро не получится, — предупредил Иван. — К пению надо подготовиться.

Он говорил, не сводя глаз с ее лица. Никто и никогда так долго не смотрел на Риту, разве что родители в детстве. Когда хотели узнать, правду ли она говорит. Папа уверял, что они с мамой читают по глазам все. Она улыбнулась. Это потом она догадалась, что ее лицо выдавало обман. А теперь... оно тоже ее выдает? Ну и пусть, пусть выдает... правду.

— Как? — спросила Рита. — Я училась в музыкальной школе два года. Потом мы

переехали в Тюмень... Рядом с нашим домом школы нет.

— Я не об этом, — Иван покачал головой. — Когда уходишь в песню, ты уходишь из этого мира. Понимаешь?

— Нет, — призналась Рита. — Когда ты поешь, я вижу тебя. Я даже могу тебя потрогать. — Рита быстро коснулась его руки.

Он покачал головой.

— На самом деле меня здесь нет. Я — в песне.

— Ты это ощущаешь? Что ты не здесь? — Рита волновалась. А если он не вернется из песни?

Наверное, в ее лице что-то изменилось. Иван заметил и сказал:

— Я о том и говорю, ты можешь испугаться.

— Я-а? — Рита произнесла короткое слово с такой интонацией, что Иван засмеялся.

— Можно подумать, ты ничего не боишься.

— Нет, — энергично покрутила головой Рита. — Пугается тот, кто разрешает себе бояться, говорит мой папа.

— Гм... — Иван задумался, он смотрел поверх Ритиной головы. — Может, правда. Но когда я пою, я ухожу так далеко, что мне кажется, когда-нибудь не найду дороги обратно.

— Ты боишься заблудиться, — сказала Рита.

— Не совсем, — покачал головой Иван. — Старики предупреждали маму, когда слушали ее пение, как это опасно. Она может уйти с духом песни. А потом не сумеет найти свое тело.

— Не понимаю, — пробормотала Рита. — Ты же знаешь, с чего начал... о чем пел... — голос Риты звучал неуверенно. Так говорят с иностранцами, из языка которых знают всего несколько слов.

— Когда я пою, — продолжал Иван, — я подражаю голосам птиц, зверей. Они ведут меня за собой, куда хотят.

— Мистика какая-то, — прошептала она и поежилась.

Сейчас Иван не смотрел на нее. Он продолжал:

— Я начал подражать маме совсем маленьким. В двенадцать лет меня услышал один мудрый дедушка...

— Шаман, — прошуршала Рита таинственным словом.

— Ты знаешь о шаманах? — В глазах Ивана она увидела одобрение.

— Еще бы, — фыркнула Рита. — Я кое-что читала перед отъездом.

— Он сказал, что если я дальше буду петь, то стану настоящим «звонящим мальчиком». Мамин дедушка был шаманом. Только он не манси, а алтаец. Моя бабушка тоже.

— Значит, ты всего наполовину манси? — удивилась Рита. — Твоя мама алтайка?

— Да. Мои родители познакомились в техникуме, они учились в Барнауле, это на Алтае.

— Я знаю, — кивнула Рита. — Но почему дедушка разрешил твоей маме учиться пению, если у вас это запрещено?

— Мама запела сама, она не училась. Когда ей оставалось до появления на свет три месяца, ее мама, моя бабушка, заглянула в гнездо певчего дрозда.

— Ну и что? — нетерпеливо подгоняла Рита.

— Там сидели птенцы. Они родились, чтобы петь. Говорят, поэтому моя мама тоже запела.

Рита неуверенно улыбнулась, потом отвела взгляд от Ивана. Ей захотелось проверить, она еще здесь или уже заблудилась. Потом быстро посмотрела на Ивана. Если даже заблудилась, то вместе с ним. Это нестрашно.

— Думаешь, я сочиняю? Для таких, как ты, в нашей жизни много сказочного. Но я рассказал тебе правду.

— Для таких, как мы? Ты про кого?

— Про тех, кто не манси, не алтайцы, не ханты. Вы уже рассказали друг другу все сказки, а мы еще нет. Для нас горловое пение — не сказки. Это не я пою. Моим голосом рассказывают о себе звери, птицы, деревья, травы, ветер, гром. А теперь ты попробуй. Вдохни в себя столько воздуха, сколько войдет в легкие.

Рита открыла рот, вдохнула. Она повернула к Ивану лицо с надутыми щеками. Он потянулся к ней, ткнул пальцами в обе щеки. Они опали, как детский шарик, противно щелкнув.

— Ты что! — Рита нарочито возмутилась и покраснела. Сердце зашлось, как после длинной дистанции на лыжах.

— Воздух набирают в легкие, а не в щеки, — объяснил Иван. — Давай снова, вместе со мной.

Они со свистом втянули воздух, Рита услышала, как из самой глубины Ивана поднимаются урчащие хрипы.

Она еще раз попыталась, но услышала собственное рычание, оно исходило не из глубин. Оно повторяло вопль голодной кошки, наконец-то увидевшей кусочек колбасы.

Иван прервал свое пение.

— Если объяснять по правилам, то запомни — все дело в диафрагме. Она вот здесь. — Он хлопнул себя по животу. — Старики называют ее вместилищем звуков. «Звенящие мальчики», профессиональные артисты, научились лучше всех управлять диафрагмой. У них звуки низкие, длинные, непрерывные. Они такие во всех стилях горлового пения.

— А эти стили сильно отличаются? — спросила Рита.

— Конечно. Тувинское пение отличается от алтайского и от монгольского. Но все подражают звукам природы.

Рита старалась, но, видимо, ее диафрагма не ожидала, что от нее потребуют чего-то такого. Она упиралась, сопротивлялась, отказывалась колебаться, из Ритино горла вылетали отвратительные скрипы.

Иван вздохнул.

— Этому надо учиться очень долго, а если твои предки не владели таким стилем пения, то еще дольше.

— Знаешь, — сказала Рита, — давай я запишу тебя на диктофон и буду слушать на ночь.

— У тебя есть диктофон? — спросил он.

— Есть. Папа подарил. Он сказал, что мне наверняка будет лень писать письма, а ему интересно узнать о моей жизни в интернате. Он просил каждый вечер надиктовывать, как прошел день. Все-все.

— Все? — Иван сощурился. — Неужели все? — Он снова окинул ее особенным взглядом, от которого она порозовела еще ярче прежнего.

— Ну... все, что я... захочу наговорить, — уточнила Рита.

Иван внезапно наклонился и ткнулся носом в ее щеку.

— А про это расскажешь? — тихо спросил он.

Она засмеялась.

— Нет.

— Что я ви-ижу!

Иван и Рита быстро обернулись и увидели Любу. Она стояла, сложив руки на груди.

— Что же ты видишь? — насмешливо спросила Рита.

— Ты такая красная, Рита. У тебя пожар в голове? Ага-а, понятно, почему не выключила обогреватель в комнате.

— Я его выключила, — торопливо оправдывалась Рита.

— Нет, — качала головой Люба. — Иван, — она повернулась к нему, — Маргарита так летела к тебе на свидание, что чуть не подожгла весь корпус! Хорошо, что я не никуда не спешила и заметила.

Иван молча посмотрел на Любу. В его взгляде было что-то неуловимое, но оно заставило ее заговорить совершенно о другом:

— Кто даст мне списать математику? Вы уже решили задачки?

— Почему бы тебе самой не решить, — бросила Рита.

— Почему бы тебе самой не выключать электроприборы? — в тон ей ответила Люба. — Давай тетрадку.

— Бери. — Рита кивнула на рюкзак, который лежал на стуле. — Черная тетрадь.

— Да знаю какая, — пробормотала Люба. Она вынула тетрадь, улыбнулась и помахала ею: — Ну вот, моя мама опять права.

— А что она говорит? — спросила Рита.

— Если чего-то хочешь от кого-то, заставь его почувствовать себя виноватым.

Рита и Иван смотрели на Любу, ожидая продолжения. Она не заставила их ждать:

— Ты, Маргарита, на самом деле все выключила, когда уходила. Я обманула тебя, чтобы ты не упиралась и дала мне списать. Ха-ха-ха! — Люба подхватила свои тетрадки и убежала.

Иван махнул на нее рукой.

— Она всегда такая. Я раньше думал, что все красивые девчонки, как она.

— А... потом? — тихо спросила Рита, застегивая рюкзак, который Люба поленилась закрыть.

— Теперь, — он подчеркнул последнее слово, — я думаю, красивые отличаются друг от друга. Как... как горловое пение алтайцев от пения манси, а пение башкир — от монголов.

Рита засмеялась. Ей хотелось спросить почему. Но глупо напрашиваться на комплимент. Она сама знала, о чем он.

Вошла дежурная, звеня ключами.

— Пора, — сказала Рита.

— Продолжим завтра? — спросил Иван.

— Обязательно.

Поздно вечером, когда Рита уже выключила в спальне свет, пришла Люба. От нее пахло терпкими духами. Это был новый аромат.

Она подошла к изголовью Риты и тихо сказала:

— Я пока не решила, отдам его тебе или нет.

— Ты про что? — сонно спросила Рита. — Про кого?

— Сама знаешь. В общем, поиграйте, дети, в любовь, а потом посмотрим.

Запах духов пропал, значит, Люба отошла от кровати. Рита услышала плеск воды в душевой.

Рита заснула быстро, угроза не помешала ее сладкому сну.

Утром Люба вела себя как ни в чем не бывало, поэтому Рита спросила себя, не приснилось ли ей то, что она услышала?

Глава 10. Вперед, за грантом!

— Как тебе у нас? — спросила Галина Даниловна, подвигая Рите чашку. Чай был светлый, от него пахло так, что Рите захотелось наклониться и понюхать, угадать, чем именно он пахнет. Но она удержалась. Неважно, что Галина Даниловна — мамина подруга. Важно другое: она — директор школы-интерната. Ее приглашение в кабинет означает что-то особенное. Она могла бы остановить Риту в коридоре и задать тот же самый вопрос...

Но, видимо, есть причина. Когда Рита шагала по длинному коридору, устланному красной ковровой дорожкой, она пыталась догадаться, что собирается сказать или спросить у нее директриса. Может быть, звонили родители? Но они ей звонят через день.

— Так как тебе, — повторила Галина Даниловна, — в компании юных ханты и манси?

— Нормально, — осторожно ответила Рита.

— Ты немногословна, — улыбнулась Галина Даниловна. — Что ж, я рада, если все нормально. Ты учишься хорошо, у тебя нет проблем с учителями и одноклассниками. Верно?

— Никаких, — снова коротко ответила Рита.

— Я так и сказала Светлане. Твоя мама вчера звонила.

— Правда? Мне тоже.

— Ты ведь не скучаешь без родителей, правда?

Рита колебалась, как ей ответить. Вообще-то скучать положено, но у нее на это не остается времени. Надо столько сделать, столько обдумать. И потом, Галина Даниловна, вдруг подумала она, все равно, что мамина тень.

— Н-не очень, — наконец выбрала ответ Рита.

Галина Даниловна улыбнулась.

— Понимаю. Попробуй наш чай. Он не только согревает, но и очищает мысли от разного мусора.

— Правда? А что в чае?

— Травы, ягоды. Между прочим, сбор привозит отец Ивана Гришкина. Он вчера приезжал. Иван — замечательный парень. Я заметила, вы с ним подружились?

Рита покраснела и кивнула.

— Прежде он дружил с Любой. Точнее, она считала, что дружит с ним. Как она тебе? Девочка строптивая. Но ей положено — гремучая смесь родительских характеров. — Галина Даниловна поморщилась. — Прежде у меня в школе не было таких детей. Но — новые времена и новые песни, как говорится. — Она вздохнула.

— А... почему?

— Что почему? Новые времена или новые песни? — Галина Даниловна насмешливо посмотрела на Риту. У нее были зеленоватые глаза, а дужки очков им в тон. — Новые времена почему — вопрос не ко мне. Я не историк, я биохимик. Хотя давно уже директор школы-интерната. А вот новые песни... Гм... Песни редко остаются старыми, когда меняются времена.

— Тогда как же горловое пение? — выпалила Рита, чем удивила даже себя.

Галина Даниловна внимательно посмотрела на девушку.

— Горловое пение? Конечно, это старые песни. Но они настоящие, природные. Поэтому разные времена для них ничто. Иван Гришкин поет замечательно. Он может петь все что угодно. Но эстрадные песни, оперные арии кроме него споют тысячи человек, а вот то, что может он, — единицы. Я очень хочу, чтобы новое время помогло ему. Сейчас горловое пение модно во всем мире как экзотика. Как модно еще кое-что... Чем мы и воспользуемся на пользу Ивану. — Она подмигнула Рите.

— А что это? — тихо спросила Рита.

— Благотворительность, моя дорогая. Она в моде у таких людей, как Любин отец.

— Любин отец? — повторила Рита. — На самом деле?

— Люба наверняка рассказала тебе, что она внебрачная дочь очень богатого нефтяника. Ее мать — манси, а он — русский. Он не дал ей свою фамилию, но все остальное — пожалуйста. Все, что захочет дочь. Наш интернат он отождествляет с Любой, поэтому наши компьютеры — от него, новый домашний кинотеатр — тоже. Сам привез. Более того, он перечисляет деньги Фонду, который ищет таланты в глубинке. Понимаешь?

Рита кивнула.

— В марте приезжает комиссия Фонда. Иван Гришкин должен спеть так, чтобы ему дали грант для учебы в музыкальной школе в Новосибирске.

— Здорово, — сказала Рита.

— Но есть один нюанс, — Галина Даниловна поморщилась. — Люба считает, что Иван должен быть благодарен ей. Понимаешь?

— Ага, что он — ее парень? — Ритино сердце дернулось, высоко подпрыгнуло и перекрыло горло. Она не могла дышать.

— В какой-то мере — да. — Галина Даниловна поморщилась. — Должна сказать, до твоего появления не было никаких проблем между ними. Люба изображала, что Иван в нее влюблен, Ивану ничего не нужно изображать, она умеет это делать за двоих. — Галина Даниловна засмеялась. — Но теперь... Всем ясно, что Иван влюбился в тебя.

— Что! — Рита вспыхнула.

— Все естественно, не пылай. Ты здесь — птица из другого мира со своими светлыми волосами. Тебе никто не говорил, что твои волосы похожи на зимний мех горностая?

— Про горностая — нет. А про молоко оленухи... Иван говорил.

— Ну вот, все правильно. Поэтому... Люба может...

— Уговорить отца не давать грант Ивану? — Страшная догадка огорошила Риту.

— Не думаю, что она повлияет, но сложности могут возникнуть.

Рита замерла. Так вот что означали вчерашние слова Любы! «Я еще не решила, отдам его тебе или нет».

— Понимаю... — медленно проговорила она.

— Только не думай, что я запрещаю тебе относиться к Ивану так, как ты относишься. Знаешь, любовь всегда вызывает зависть тех, кто сам не умеет любить.

— Разве завидуют не те, кого не любят? — удивилась Рита.

— Но не любят тех, кто сам умеет любить. Я это поняла. Может быть, слишком поздно. — Она усмехнулась. Рита увидела, каким печальным вдруг стало лицо Галины Даниловны. — Твоя мама умела любить, теперь передо мной сидишь ты. У меня много детей, но они родились не от моей любви. Но я хочу, чтобы они росли с помощью моей любви. Я научилась любить.

— У вас так хорошо здесь, — нашла Рита. — Я думала, что все по-другому...

— Понимаю, — кивнула Галина Даниловна. — Я рада, что тебе нравится. — Она помолчала. — Рита, я вот о чем хочу поговорить с тобой. Я знаю, ты здорово катаешься на лыжах...

— В Тюмени я ходила в лыжную секцию. У меня первый разряд по лыжам.

— Понятно. Но если бы ты еще умела стрелять из винтовки...

— Зачем? — изумилась Рита.

— Затем, что у тебя не было бы конкурентов на грант. Фонд ищет того, из кого можно вырастить талантливого биатлониста. Биатлон, если ты не знаешь, — это лыжное двоеборье. Спортсмен бежит на лыжах и стреляет из малокалиберной винтовки. Олимпийский вид спорта, очень перспективный. Я думаю, ты смотрела зимнюю Олимпиаду по телевизору?

— Конечно, — сказала Рита.

— Биатлон не менее модное занятие, чем горловое пение. — Она засмеялась. — Ты могла бы получить грант и поехать учиться в спортивную школу. Тоже в Новосибирск. — Она смотрела на Риту, ожидая реакции на свои слова. — Вместе с Иваном, — добавила она. — Там не будет никакой Любы, между прочим.

— Правда? — тихо спросила Рита, чувствуя, как колотилось сердце. Горло, наконец, совсем очистилось, Рита свободно дышала. — Но мои родители...

— Твоя мама сказала, что, может быть, тебе придется проучиться у нас еще год.

— Десятый класс? — Ритино сердце подпрыгнуло. А Ивана здесь не будет?

— Твоему отцу предложили остаться на Севере в более высокой должности. После нее — прямая дорога в Москву. Вот я и подумала, если ты получишь спортивный разряд по биатлону, тебе будет проще поступить в институт в Москве.

— А... мама?

— Твоя мама не против. К тому же, директор спортивной школы в Новосибирске — мой родной брат. — Она улыбнулась. — Она его знает. Когда-то он пытался за ней ухаживать, но напрасно. — Она улыбнулась. — А если бы все вышло удачно, то ты вполне могла быть моей племянницей. Но это я так. Мой брат — сам биатлонист, ему нужны талантливые ученики.

— Я готова, — сказала Рита. — Но как мне научиться стрелять? Где?

— Попроси Ивана. Пусть он пригласит тебя на каникулы к себе домой. Его отец — профессиональный охотник. К тому же, отдохнешь от внимания своей соседки. — Она подмигнула Рите.

Рита смутилась. Значит, все, что происходит в спальнях, известно Галине Даниловне?

Конечно, и не только в спальнях. Галина Даниловна понимает, что творится в душе ее воспитанников. Кто знает, как сложится судьба каждого, кто покинет эти стены с сугробами по самые окна? Ей хотелось, чтобы удачно. Но знала она и другое: по каждому — удача. Значит, надо помочь каждому не пропустить свою.

Разве Рите не удобно прямо на крыльце встать на лыжи и «глотать» километр за километром? Довести до совершенства то, что она уже умеет? Любое умение — еще один шанс в твою пользу за пределами школьных стен.

И потом, почему не прислать брату перспективную ученицу да еще с солидным грантом на год? Его сумма покроет все расходы на Риту — на снаряжение, на учебу, на содержание и еще останется на развитие спортивной школы.

Вот почему Галина Даниловна, соединив все составляющие в одно целое, решила: Рита Маслова должна проявить себя перед комиссией Фонда, а не только Иван Гришкин.

Если эти двое получают грант от Фонда, такая новость прозвучит особенно сильно на

осенней учительской конференции в Тюмени. Для школы-интерната, которой она руководит, это будет здорово.

Глава 11. А что ты умеешь?

— Если бы ты умела стрелять из винтовки, — сказал Иван, — ты стала бы чемпионкой по биатлону.

Рита повернулась к нему.

— Почему ты так решил? — Она удивилась, снова это слово — «биатлон».

— Потому что они, — он указал на экран телевизора, — бегают на лыжах точно, как ты.

— Это я стараюсь бегать, как они, — смутилась Рита.

— Если хочешь, пускай так.

Картинка с биатлонистами убежала с экрана, вместо нее появилась другая — с концерта в Германии. Темноволосый мужчина пел очень похоже на то, как поет Иван.

— Бурятский певец, — заметил Иван. А Рита вернула ему его слова.

— Вот если бы ты учился пению, ты пел бы там, а не он.

— Я могу попросить отца, он даст денег. Иван сможет учиться хоть в Москве. А не в каком-то Новосибирске. — Это Люба. Она снова слушала, о чем они говорят.

— Да брось, — Иван поморщился. — Я получу грант от Фонда.

— Будто Фонд не мой отец, — хихикнула Люба.

— Не только твой, — заметил Иван.

— Ну, может, и нет, — согласилась она, но подозрительно быстро, отметила Рита. И тут же вышла за дверь.

— Отец пришлет вездеход за нами послезавтра, — сказал Иван. — Собирайся.

Рита кивнула.

— Мы едем вдвоем?

— Да. Мой друг Вадик не может, его забирает мать в стойбище на все каникулы.

Рита собралась быстро. Ей повезло, Люба уехала раньше на день, иначе она следила бы за каждым движением.

На вездеходе ехать так странно. В больших оленьих малицах они сидели на металлических лавках, подпрыгивая на снежных холмах. Говорить невозможно, поэтому все молчали. Кроме Риты и Ивана ехало еще пятеро — трое мужчин и две женщины. Тоже в гости. Вездеход высадил их по дороге.

Дом Гришкиных оказался не таким, как ожидала Рита, — он обычный, большой, а не чум, покрытый шкурами. Женщины в селении одеты тоже не так. Она читала перед отъездом из Тюмени, что женщины манси носят суконный халат, оленью шубу, а на голове платок, что они увешаны ожерельями из разноцветного бисера, а пальцы их унизаны кольцами из него же.

Мама Ивана вышла их встречать к шубе из мутона, на голове у нее шапочка из белого песка. Это они с Иваном ходили на настоящих манси в малицах и больших рукавицах, которые свисали на кожаных ремешках из рукавов. Как у детей. Галина Даниловна настояла, чтобы они оделись в малицы — она дала их из реквизита школьного театра.

В этом мансийском поселении семь домов профессиональных охотников, таких как отец Ивана.

В доме оказалось полно детей — Иван рассказывал Рите, что у его родителей что-то

вроде детского сада. Его мама присматривает за соседскими детьми. Просто так, потому что ей нравится.

Хотя по дороге было трудно говорить, вездеход рычал оглушающе, но Иван рассказал, что к ним летом приезжали гости из Венгрии. Когда-то, давным-давно, те, кто потом стали называть себя венгры, финны, ханты и манси, жили вместе. У них даже язык одной группы — финно-угорской, говорил он. Теперь ученые пытаются восстановить связи между этими народами.

В семье Ивана еще три брата и две сестры, гораздо моложе его, они живут дома. Но когда придет время учиться, они тоже поедут в школу-интернат. Для детей охотников и оленеводов в этом нет ничего особенного. Отец Ивана тоже учился в интернате.

Рита заметила, как заалело лицо матери, когда она увидела Ивана. Он старший и, видимо, любимый сын. Она улыбалась Рите. Иван объяснил, что нет ничего странного — привезти домой друга. Друг — это то, без чего не выживешь в снегах.

Едва поздоровавшись с матерью и отцом, потом с ребятами, Иван сказал:

— Папа, Рита должна стать чемпионкой. Ее надо научить стрелять из винтовки лучше всех. Она бегаёт на лыжах так, как никто.

— Хорошо, — просто сказал отец. — Научим. Скоро.

Рита засмеялась.

— Скоро? У меня быстро не получится.

— У меня получится, — рассмеялся он. — Если ты бегаешь на лыжах лучше манси, значит, ты необыкновенная девочка. Неважно, что у тебя волосы цвета молока оленухи. Венгерский друг подарил мне немецкую винтовку, она называется «Аншутц». С такой винтовкой бегаёт олимпийская чемпионка, я сам видел по телевизору. Завтра начнем. А сегодня — отдыхать.

Но не тут-то было. Отдыхать Рите не пришлось.

Когда Иван с отцом отправились смотреть езовых лаек, а мама накрывала стол в столовой, Риту окружили дети. У нее глаза разбегались — так много, все широколицые, черноволосые.

— Меня зовут Аля, — бойко представилась девочка лет шести. — А что ты умеешь делать? — спросила она.

Рита захлопала ресницами. Вот это вопрос. На самом деле, что она умеет делать?

— Я? Умею бегать на лыжах.

— Мы тоже, — ее оглушил хор голосов.

— Я умею... Ну да, я умею складывать мозаику, — нашлась Рита.

— Мы тоже, — услышала она снова.

— А что умеешь делать как девочка? — не отступала Аля. — Ты умеешь вышивать? Делать кукол? Шить им платья?

— Нет.

— Тогда что ты умеешь? — Алю поддержал басовитый малыш.

Да что, на самом деле, им сказать? Рита обвела глазами широкие лица в черном обрамлении. Глаза, кажется, пузырились от азарта. Они похожи... Белое на черном... и пузырьки... Ну да! Черная сковорода и белое тонкое тесто...

— Я умею печь блины!

— Научи нас, — потребовала Аля.

— Это просто, — начала Рита. — Нужна мука, потом... — Она вспоминала, что делали

ее чердачные поселенцы. Перед глазами возник тазик с мукой, девушка Мила, которая влиwała в него... молоко. — Молоко.

— А можно молоко оленухи? — спросила Аля.

Ну почему она не сказала, что нужно коровье молоко? Все само бы собой разрешилось. Откуда ему здесь взяться?

— Или обязательно коровье? — донимала ее Аля.

Рита уже хотела сказать, что коровье и больше никакое. Но Аля опередила ее:

— У нас есть всякое: и коровье, и козье.

— Козье? Откуда у вас козье? — Рита не удержалась от удивления.

— От козы, конечно, — фыркнул басовитый малыш.

Рита поняла — ей придется учить их тому, чего она не умеет сама.

Открылась дверь, морозный воздух внес в дом Ивана с отцом. Лицо Ивана сияло. Никогда еще Рита не видела такой улыбки.

— Папа сказал, что он вырастит мне из самых лучших щенков ездовых собачек. Вот уж покатаемся по тундре!

Он сел на диван, дети навалились на него, как котята. Они устроились на коленях, один малыш пытался залезть ему на спину. Но в дверях столовой появилась мать.

— Все за стол!

Стол занял почти всю комнату, такой длинный, всем хватило места.

— Рита, Иван расскажет тебе, что ты ешь, — предупредила мама.

Иван положил Рите на тарелку тонкую полоску чего-то розового.

— Это строганина. Сырая рыба. Очень вкусно.

Рита попробовала. На самом деле, рыба нежная, жирная.

— Это черная икра, сама знаешь. Осетровая. Моему отцу разрешают ловить осетра, потому что он коренной житель.

— Ох, — выдохнула Рита. — Так много...

Она смотрела на детей, которые ели с аппетитом, а когда все выпили чаю с вареньем из морошки и удовлетворенно застонали, она подумала, что спасена. Едва ли у кого-то найдется место для блинов.

Но она ошиблась.

Аля, промокнув салфеткой губы, объявила:

— А теперь Рита научит нас печь блины.

Глава 12. Бисерное солнце

Рита с трудом разлепила глаза и не могла понять, где она, так бывает со сна. Потом, оглядев комнату, вспомнила — она в доме Ивана Гришкина. Ее поселили в спальне девочек, они все еще сопели во сне. Ух, эти девочки. Но ничего, с блинами все вышло нормально. Она руководила, а они пекли. К тому же, мама Ивана помогала.

Блины ели перед сном. В животе такая тяжесть, а это совсем не то чувство, с которым легко бежать на лыжах.

Бежать придется, стрелять тоже — сегодня. Отец Ивана обещал.

Рита встала, умылась. На завтрак она выбрала кукурузные хлопья. Она больше не удивлялась, что, кроме национальной еды, здесь все такое же, как везде. Она залила их апельсиновым соком, Иван — молоком.

Отец Ивана встал давно, приготовил винтовку, лыжи, подбитые оленьим мехом.

— Готовы? Пошли, — скомандовал он.

Мишень, которую отец Ивана приготовил для стрельбы, — это обыкновенный лист

бумаги, на нем отмечен центр. Все остальное, объяснил он, молоко. Не считается за выстрел. Только в яблочко.

— Вот винтовка. Бери ее так. — Он вложил винтовку в руки Рите. — Видишь выступ? Это гребень ложи, прижмись к нему и совмести мушку, — он постучал пальцем по крошечному выступу в конце ствола, — с прорезью целика. Ну да, вот эта щелочка в начале ствола называется целик. Видишь центр мишени? У тебя сильные руки, ты крепко держишь винтовку. До мишени пятьдесят метров.

Рита выстрелила, лист бумаги, пробитый в самом центре, упал.

— Молодец. Я бью из этой винтовки белку. Ты бы тоже смогла.

Все шесть дней, которые Рита провела у Ивана дома, она стреляла.

— Не знаю точно, как должен стрелять человек, который занимается биатлоном, девочка, но на охоту я бы тебя взял, — сказал отец Ивана на прощанье.

А мать сделала ей подарок.

— Рита, ты видела наши бисерные украшения?

— Я даже хотела спросить, не означают ли что-то особенное ваши колечки. Они на девочках, на унтах, на малицах...

— Конечно, — мать Ивана улыбнулась. — Бисером вышивают у нас все, всегда. Мы с девочками придумали символ нашей большой семьи — желтый круг, это солнышко. Каждая бисеринка — кто-то из нас. Потому что все вместе мы светим друг другу даже в длинные-предлинные ночи. Девочки сплели тебе колечко с нашим знаком. Мы тебя полюбили, а девочки теперь всегда будут печь блины. И еще... — Она смутилась. — Может, тебе просьба покажется смешной, но...

— Нет, нет, говорите, я сделаю все, что могу. — Рита надела на безымянный палец левой руки бисерное колечко.

— Девочки хотят, чтобы ты подарила им... немного твоих светлых волос.

Ритины глаза расширились, потом сузились. Она засмеялась.

— Ну конечно. Где ножницы!

— Не спеши, им нужно совсем немного. Они делают куклу, похожую на тебя. Они у Ивана тоже отрезали. Без меня обошлись. Они говорят, что если рядом поставить темное и светлое и долго-долго смотреть, то посетит удача...

Рита отрезала одну прядь, отдала матери Ивана.

Вездеход быстро домчал Ивана и Риту до школы. Они почти не говорили, даже не потому, что трудно из-за рева мотора и клацанья гусениц, просто им обоим казалось, что они понимают друг друга без слов.

Вечером, перед сном, Рита рассматривала свое кольцо из бисера. Если бы не оно, то все, происходившее в доме Ивана Гришкина, казалось бы глюками.

Глава 13. «Я — тоже»

Третья четверть пролетала быстро, как зима, которая неотвратимо вкатывалась в весну, даже в этом северном Търнывате. Неотвратимо приближалось событие, к которому готовилась школа. Представители Фонда приедут в каникулы, чтобы отыскать таланты под здешними снегами. В число находок должны войти Иван и Рита.

Насчет Ивана Рита не сомневалась. Никто не сплет так, как он. А Иван не сомневался, что Ритина скорость и меткость сразят наповал высоких гостей.

— Ага, ты думаешь, вы в обнимочку полетите в Новосибирск? — хихикала Люба. — Может, сразу поженитесь? — Сахарные зубки казались особенно острыми на фоне нежных губ, по которым она то и дело проходила розовым блеском.

— Тебя не спросили, — бросила Рита.

— Не спросили, конечно. Хорошо, что сама знаешь.

Рита поморщилась. После того, как Рита побывала дома у Ивана, Люба следила за каждым шагом. Она садилась рядом с ними в телевизионной комнате, в комнате для занятий. Она даже бегала на лыжах по той лыжне, что и Рита. Иван часто катался вместе с Ритой. Они быстро отрывались от Любы. Наконец, она поняла, что лыжная слежка требует чрезмерных усилий.

Укладываясь спать, Люба говорила Рите:

— Во сне он мне не нужен. Можешь видеть его всю ночь. — Она смотрела на свою соседку прищуренным взглядом и добавляла тихо: — В любом виде.

Рите хотелось двинуть ей в нос, но она помнила, что сказала ей Галина Даниловна. Конечно, сейчас не время разбираться с Любой.

— Спокойной ночи, Люба. Я тебе желаю увидеть во сне... Хочешь, спою песенку? Спокойной вам ночи, приятного сна, желаю вам видеть осла и козла. Осла до полночи, козла до утра, спокойной вам ночи, приятного сна... Ха-ха!

Люба привстала на локте. Тонкий широкий рукав из розового шелка сполз по самое плечо. «У нее красивая рука, — отметила Рита. — Она вообще красивая вся, но какая противная».

— Ага, ты думаешь, кроме этих животных, мне некого пригласить в свой сон? Ты просто большой ребенок, Маслова. И очень глупый. — Она расхохоталась. — Если бы можно было тебя впустить в мой сон, ты бы... Ты бы... Ах, нет. Тебе такое рано смотреть. — Она упала на подушки, натянула одеяло на голову. А оттуда сдавленным голосом проговорила: — Я ушла туда, куда тебе нет дороги...

Рита закрыла глаза, приказала себе спать. Комиссия Фонда уже приехала, завтра бежать дистанцию. Значит, все посторонние мысли надо прогнать. Она умела справляться с собой.

Утром, взглянув на нее, Люба сказала:

— А ты не волнуешься. Ты сильная. Ты пробежишь, как чемпионка. Если бы я захотела, тоже смогла бы.

— А ты не хочешь? — спросила Рита, одеваясь.

— Да зачем это девушке? — протянула она, подводя глаза тонким черным карандашом. — Можно подумать, на свете нет машин, снегоходов, вертолетов. Мой отец, между прочим, может управлять даже самолетом.

— Он тебя научит? — спросила Рита с легкой завистью. Она хорошо запомнила вопрос маленькой сестры Ивана: «А что ты умеешь?». Теперь она задавала себе такой вопрос очень часто. И радовалась, когда могла прибавить что-то новое. Ей хотелось уметь все, что умеют другие.

— Ме-ня! — Люба привалилась к стене, а рука замерла перед зеркалом. — Меня всегда отвезут куда надо. В лучшем виде. Поняла?

Рита поморщилась.

— Как скучно с тобой, Люба. — Она сказала так искренне, что Любу словно подбросило. Она села прямо и спросила:

— Да неужели? Тебе скучно, а другим — нисколечко. А скоро мне будет так весело, так

весело... — Она захихикала. — Еще немножко, и моя матушка дождет отца. Тогда мы уедем в другую страну.

— Страну? — Рита удивилась. — Зачем?

— Затем, что там в сто раз лучше. Отец сможет приезжать и жить с нами сколько хочет.

— А здесь он не может? — спросила Рита с внезапной жалостью к Любе.

— У него тут жена и дети. Другая жена и другие дети.

— А почему он не разведется, если он любит твою мать и тебя?

— Потому что его жена тоже в бизнесе. И ее отец. Мне мама сказала. — Люба объясняла так спокойно, словно говорила о контрольной по физике.

— Понятно, — пробормотала Рита.

— Ты не думай, моя мать не какая-то... такая... Ну, сама понимаешь. Она училась в институте, она знает венгерский язык.

— Правда?

— Конечно, правда, — усмехнулась Люба. — А ты думала? Знаю, что ты думала. Но все не так. Венгры из настоящей Венгрии давно приезжают сюда на охоту. Иван говорил тебе, что они живут у его отца?

— Что-то такое... — Рита неопределенно покрутила рукой, — говорил.

— Однажды, меня еще не было на свете, приехали венгры и выбрали несколько детей из детского дома, чтобы увезти их к себе и выучить. Моя мать попала в эту группу. А потом она приехала обратно, мой отец увидел ее и... Вот она я.

— А твоя мать... — осторожно начала Рита.

— Моя мать работает в венгерской фирме, она ездит с ними по всему Северу и Сибири. Потому я живу здесь. Сплю с тобой рядом... Но это скоро кончится.

«Конечно, — подумала Рита, — потому что они с Иваном уедут учиться в Новосибирск».

— Ты заметила, что Иван простудился? — спросила Люба, озабоченно сведя брови.

— Правда? — не поверила Рита. Она все еще думала о том, что рассказала Люба. Теперь она видела в ней не врага, а просто не очень счастливую девчонку, которая сама не понимает, что ей не слишком повезло.

— Значит, отец перевезет вас в Венгрию? — переспросила она.

— Он купит нам дом, даст денег, мы будем там жить.

— Поняла, — сказала Рита. — Ты уже учишь венгерский?

— Зачем? Мама говорит, если я знаю язык манси, мне заговорить по-венгерски — раз плюнуть.

— Здорово. Я читала, что язык манси относится к группе финно-угорских языков.

— Молодец, — усмехнулась Люба, — умеешь читать без ошибок. Ладно, не обижайся. Будешь в Венгрии — заходи. Может, Ивана там увидишь. Ха-ха!

Рита вспыхнула.

— Ну что, зайдешь? — Она сощурилась. — Посмотришь на нашу счастливую жизнь? — Люба, не отрываясь, смотрела на соседку. Ей доставляло удовольствие наблюдать, как Рита краснеет и бледнеет. Она не могла справиться с собой, хотя понимала, что Люба нарочно смущает ее.

— Обязательно, — сказала она как можно спокойней. Потом вскочила. — Ой, мне пора, — заторопилась Рита, взглянув на часы.

Быстро надела куртку, собачка длинной молнии взвилась вверх со свистом, ей вторили

молнии на сапогах. Завершающим звуком стал громкий стук двери. Но он не заглушил Любин хохот.

Рита старалась успокоить себя. Люба нарочно дразнит ее, Иван, конечно, может заехать к Любе, если окажется на гастролях в Венгрии. Когда-нибудь. Она тоже зайдет, если там будут соревнования. В конце концов, жизнь в интернате — приключение. Неприятные сцены покроются туманом, на их фоне проступят яркие, живые, радостные.

Как противно было трястись в вонючем вездеходе, но разве о нем вспоминает она? Конечно, нет. Она забыла о нем сразу, как только Иван вытащил ее из шумного вонючего нутра. Но от поездки к нему домой остались такие яркие, такие приятные воспоминания.

Вчера, на последней тренировке, она бежала и видела перед собой не белое снежное поле, а уютный дом, полный черноволосых ребятишек в ярких малицах и унтах, расшитых бисерными солнышками. Такое же солнышко теперь у нее па пальце. Она никогда с ним не расстанется. Даже если у нее появится обручальное кольцо. Когда-нибудь...

И сегодня, когда она побежит перед комиссией, она тоже увидит знакомые лица из дома Гришкиных...

Рита пробежала дистанцию легко, совсем не устала, не задыхнулась. Судья на финише сказал ей время, за которое она пробежала дистанцию, поздравил. Он шепнул: грант обеспечен. Комиссия решила, что не станет проверять ее меткость, потому что мнения такого снайпера, как отец Ивана Гришкина, для них достаточно.

Оказывается, отец Ивана прислал Галине Даниловне мишени, которые поразила Рита из винтовки.

Судья говорил еще что-то, но она почти не слушала. Она смотрела на Ивана, который ждал ее поодаль. Сейчас он был в черной куртке на гагачьем пуху, которая сделала его еще более внушительным и взрослым. Он не отрывал от нее глаз, он тоже, казалось, не мог дождаться, когда судья отпустит Риту.

— Ну все, ты свободна, Маслова. — Она уже уперлась палками в снег, чтобы откатиться, но он добавил: — Тут были некоторые проблемы... Один наш спонсор заартачился, мол, мы помогаем детям коренных народов Севера. А ты, русская девочка, займешь чужое место... — Рита побледнела. — Да не бойся, ваша Галина Даниловна так впиалась в него, она трепала его, как ездовая лайка котенка. — Он смеялся, в смехе слышалось удовольствие. — А кто это, говорит, у меня здесь живет? Если посмотреть на документы, все ли дети — чистокровные манси и ханты? Понимаешь, да? — Он подмигнул. — Имей в виду, Рита, ты встала на путь, где надо держать ухо востро... Вся жизнь — соревнование. На этот раз ты выиграла. Поздравляю.

Рита с силой оттолкнулась и покатила к Ивану.

На лице ее осталась растерянность.

— Ты что? Все здорово, — сказал Иван. — Отличное время. — Он убрал в карман круглые позолоченные часы на длинной серебряной цепочке. Их подарил ему отец, когда сыну исполнилось четырнадцать.

— Правда? — нерешительно проговорила Рита.

— Ну да. Судья тебе сказал? Он сказал, что тебе не надо даже стрелять?

Рита отбросила палки. Наконец, до нее дошло — все позади!

— А кто мне помог? — с улыбкой от уха до уха спросила она, сдвигая со лба вязаную оранжевую шапочку.

— Кто же?

— Твоя семья.

— И я тоже, — добавил он. — Они думали о тебе. Я тоже. Они посылали тебе свою любовь...

Рита замерла. Он скажет сейчас: «Я тоже»? Ей так хотелось, чтобы он сказал... Она не сводила с него глаз. Она видела в них то, что хотела услышать. Тогда зачем слова? Зачем, зачем... «Женщина всегда ждет признания, облеченного в слова, если даже точно знает то, что в них заключено», — вспомнила она фразу из романа про любовь, который она взяла почитать у Любы на ночь.

— И я тоже, — тихо признался Иван.

Рита выдохнула с таким облегчением, как будто только сейчас добежала до финиша.

Не думая, что делает, Рита наклонилась и отстегнула крепления. Потом попробовала приподняться на цыпочки, но жесткие ботинки не позволили. Она подпрыгнула. Она хотела коснуться губами его губ, но получилось иначе. Носом она ткнулась в его щеку. Какая горячая...

— Не холодно целоваться на морозе? — услышали они звонкий голос и смех. Это Люба вынырнула из ниоткуда.

— Нисколько, — бросила Рита. Потом повторила то, что только что сделала.

Иван не посмотрел в Любину сторону.

— Приходи ко мне на последнюю репетицию, Рита, — сказал он.

— Конечно, сейчас переоденусь и приду.

Глава 14. Тревога

В школьном актовом зале Рита и Иван были вдвоем. Но все равно он вышел на сцену в концертном наряде. На нем малица из оленьих шкур, унты, маска. В таком наряде она видела его раньше, на школьных праздниках. Но маска новая. Точнее, маска лишь новая деталь, сама она старая, даже очень. Почти древняя. Эту маску дала Ивану мама, когда они с Ритой гостили в доме родителей. Она принадлежала прадеду-шаману. Рита хорошо запомнила, что сказала мама, когда Иван надел ее:

— Ты чувствуешь? В ней все по-другому, да?

Иван молчал.

— Иван, не уходи, — тихо попросила мама. — Не сейчас, — добавила она, а Рита почувствовала, как мурашки побежали по спине. — Потом. — Мама помолчала и продолжила: — Ты будешь петь так, как не пела я, как не пел ты до сих пор. Теперь твое время, ты вырос. Ты уйдешь так далеко, как захочешь. Но вернешься из любой, даже самой длинной и трудной песни. — Иван не снимал маску. А мама каким-то особенным голосом предупредила: — Теперь ты встретишь в песне то, чего никогда не встречал. Уже пора, Иван.

Он быстро снял маску.

— А что это? — Темные глаза засветились в сумеречном свете дня.

— Сам узнаешь, — мама улыбнулась. — И поймешь. А если это возьмешь в песню, тебе не станет равных ни в каком конкурсе.

— Мама, но что это? — не отступал Иван. — Скажи, это дух? Может, это — дух наших предков?

Мать засмеялась. Голос ее звучал звонко, Рита вздрогнула и почувствовала, как мурашки

теперь побежали снизу вверх. Ей тоже хотелось догадаться, о чем предупреждает мать Ивана, подсказать ему. Ей казалось, она чувствует что-то невыразимое. Такое, о чем не могла сказать вслух.

— Ты узнаешь сам, — не поддавалась мать. — Не ошибешься, не пройдешь мимо.

Рита стояла рядом, ей показалось, мать Ивана быстро взглянула на нее...

После поездки к Ивану домой Рита слушала его пение по-другому. Казалось, она лучше понимает, о чем он поет. Она узнавала интонации матери Ивана, ее тихий смех, рокочущий голос отца, звонкие нотки сестры Али... Даже скрип лыж по твердому насту она улавливала в его песне. И «разговоры» собак... Но когда он надел маску своего прадеда, ей стало не по себе. А если Иван уйдет в песню и не вернется? Как же она тогда, без него?

Рита смотрела на Ивана из первого ряда, пытаясь почувствовать себя строгой представительницей Фонда, которая ищет таланты в далеких от больших городов снегах. Она старалась увидеть Ивана Гришкина чужими глазами, услышать чужими ушами.

Ей нравилось то, что она видела, и то, что слышала. Какой он красивый в расшитой лентами малице, в унтах, какой таинственно-недоступный в прадедовой маске. Рите казалось, маска оживает от голоса Ивана. Или особенную живость придают ей глаза, светящиеся в узких прорезях для глаз? Оттуда они смотрели прямо на нее.

Сегодня Рита услышала в его пении нечто новое. Похожие звуки она или не отмечала прежде, или их не было в его песнях. Какой-то особенной нежностью веяло на нее со сцены. Она, как и раньше, слышала два голоса, но один из них стал выше обычного. Таким могла бы петь она, если бы научилась управлять диафрагмой.

Иван закончил, Рита громко захлопала, он поднял руку.

— Нельзя. Комиссия не показывает своих чувств. — Он снял маску, потом малицу, закашлялся. — По-моему, у меня жар.

Рита подскочила к нему, приложила руку ко лбу. Он влажный, но горел. Точно так горела его щека, когда Ритин нос уткнулся в нее на финише. Но тогда она подумала, что Иван волновался за нее, потому пылал даже на ветру.

— У тебя жар не первый день, да? — спросила Рита.

— Не первый, — признался Иван. — Я думал, успею спеть. Плохо, что мой выход не сегодня.

— Думаешь, завтра станет хуже? — Рите показалось, что тревога стиснула тело, как клещами.

Чем напоить Ивана? Чем поила ее мама, когда она болела? Рита не знала, она никогда не спрашивала, просто принимала от нее лекарства. «А что ты умеешь как девочка»? — прозвенел в голове вопрос малышки Али. И снова, как тогда, волнение, потом ответ самой себе: ничего она не умеет. Рита рассердилась на себя.

— Что тебе дает твоя мама, когда ты болеешь? — спросила она у Ивана.

— Какое-то питье, — он пожал плечами.

— Тоже не знаешь, — поморщилась Рита.

— Нет, — Иван закашлялся. — Но если началась простуда, до утра она не пройдет. Даже если я пойду к доктору.

Рита сама знала — ни с таблетками, ни без них до утра Ивана не вылечить. Как знала и то, что Иван должен петь завтра. В четыре часа дня его выход на сцену перед комиссией Фонда.

Глава 15. Ночная песня

В комнате оглушающе тихо. Даже Люба сегодня не бормотала во сне, только едва слышно посапывала. Рита лежала в темноте и думала.

На миг она представила себе, что Ивана Гришкина нет и никогда не было в этой школе-интернате. Острая тоска, как укол, пронзила ее. Да она сбежала бы отсюда!

Рита рывком села в постели, прислушалась к себе. Сердце учащенно билось в груди. Значит, ей нравится в Тырнывате только потому, что здесь Иван?

А ему? Он жил здесь до нее. Люба тоже жила здесь до нее...

Рита посмотрела на соседнюю кровать. Она вот так же спала, только вместо Риты рядом с ней смотрела сны другая девчонка. А когда Рита уедет, ее место займет новенькая.

Чтобы развеять печальные мысли, она привстала, открыла тумбочку, достала диктофон. Это совсем новая модель, цифровая, маленькая. Неужели папа на самом деле думает, что она расскажет обо всем, что происходит в ее нынешней жизни?

— Нам всем интересно, — Рита снова услышала его голос, — а Петруше полезно.

— Вы хотите его тоже отправить в интернат? — удивилась Рита.

— Нет, Петрушу ждет кадетский корпус в Питере, — объявил папа.

— Почему? — Рита никак не ожидала, что будущее младшего брата уже определено.

— Мы решили вернуть к жизни многовековую традицию рода Масловых, — объяснил папа.

Мама подхватила:

— Между прочим, мой прадед тоже был царским офицером. Мальчики в нашем роду всегда блестящие офицеры.

— Вот видишь, Рита, Петруше придется отрабатывать сразу за два рода — Масловых и Решетниковых. Фамилия твоего прадеда была Решетников, верно? — он посмотрел на маму.

— Точно так, — по-боевому ответила Светлана Андреевна.

— Ну почему я не родилась мальчиком! — воскликнула Рита. — Кадет — так здорово звучит.

Но сейчас, вспоминая свой громкий вопль, Рита испугалась — нет, здорово то, что она не родилась мальчиком. Зачем? Если на свете есть Иван Гришкин?

На диктофон она до сих пор ничего не записывала, кроме голоса Ивана. Рита надела наушники и укрылась с головой.

Ну вот, теперь он с ней, под одним одеялом с ней, его голос. Она записала его на последней репетиции. Вникая в каждый звук, замечая перемены в интонации, Рита слышала то, о чем говорила мать Ивана.

Слезы хлынули сами собой. Рита не останавливала их. Его мать права, в этой маске он пел иначе. Но дело не в маске, а в ней, без всякого смущения призналась она себе.

Да, да, она уверена. В его песне появилось то, чего не было раньше. Мать Ивана угадала: то, что она называла словом «это», — любовь.

Голос Ивана умолк, Рите стало жарко как на нестерпимом обжигающем солнце. Когда-то родители взяли ее с собой на Черное море, а она обгорела в первый день. Тогда Рита была малышкой, примерно как Петруша, крем от солнца казался слишком липким. Мама намазала ее, а она тайно стерла.

Сейчас она тоже казалась себе липкой. Особенно мысли — не оторвешь.

А если Иван не сможет завтра петь? Ей что, одной ехать в Новосибирск, в спортивную

школу? Да зачем она ей без Ивана? Зачем ей грант? Теперь она может признаться, что согласилась бороться за грант только из-за Ивана.

Рита откинула одеяло, поежилась. Не так жарко. «Жар-ко», — поделила она слово на слоги.

Жар! Да, у Ивана жар. Никто не станет ждать, когда он снова будет в голосе.

Рита упала на подушку, дрожа от холода. Она натянула одеяло до самого носа. Ей снова захотелось плакать, но уже по-другому. Так плачут от боли. Недавно она уже плакала так — споткнулась на лыжах и ушиблась. Иван помог ей встать и тихо сказал:

— Не плачь, сейчас я заберу твою боль. — Он взмахнул руками над ее головой, потом поманил кого-то, отступая на шаг, поморщился, а она удивилась. На самом деле боль прошла.

— Видишь, я могу стать тобой, — таинственным голосом сказал он.

А она может стать... им? Иваном Гришкиным, который поет так, как никто?

Ритина пижама прилипла к телу. Жар! У нее тоже жар, в точности, как у Ивана?

Она села, потрясенная новыми ощущениями. Если она может стать Иваном больным, то, значит, здоровым тоже?

Голова работала быстро как никогда. Та-ак, они с Иваном примерно одного роста. Нет, неправда, он немного выше ее, шире в плечах. Но если надеть малицу, станет незаметно. Шаманская маска скроет лицо.

Рита перекинула косу на грудь, на ночь она заплетала волосы, чтобы они не путались во сне. Волосы длинные, но их можно отрезать. А цвет... покрасить! В черный.

Покрасить в черный? Легкая печаль царапнула Риту. Ей придется ходить с чужими волосами... Да о чем она думает — волосы отмоются и отрастут!

Хорошо, с внешним видом ясно. Но петь! Как она будет петь?

«Легко!» — вспомнила она любимое папино слово. Она повесит диктофон с голосом Ивана на грудь. Тогда песня, как ей положено, зазвучит из самой глубины тела. Рита опустила голову на подушку. Скорее, скорее утро, торопила она, приди же!

Как только оно наступит, она начнет превращаться в Ивана Гришкина.

Глава 16. Голос уходит, если...

Рита смотрела в мутные темные глаза и понимала — градусник не лжет.

— У тебя воспаление легких, — объявила Рита тоном доктора.

Иван покачал головой.

— Нет, но я все равно не могу петь.

— Комиссия Фонда тебя услышит, — настаивала Рита.

— Мой голос ушел и не вернется. Помнишь, я говорил, что такое может быть? Он не живет в больном теле, потому что тело болеет от слабого духа.

Рита не собиралась тратить время и рассуждать о связи тела и духа. Она слышала, как родители говорили об этом. И одна мама — по телефону, со своими подругами.

— Сейчас все говорят о связи духа и тела, — Иван угадал, о чем подумала Рита. — Они услышали от нас, но не поняли, просто подхватили. Я знаю, мой дух чего-то испугался и потому ослабел.

— Испугался? — удивилась Рита.

— Помнишь, мама сказала, что в маске прадеда я буду петь по-другому?

— Помню, — Рита вздрогнула.

— Она предупредила меня... я должен узнать что-то или кого-то...

Рита молчала. Разве он все еще не догадался? Она поняла, как поняла его мама. Сказать? Не говорить?

Она быстро посмотрела на него. Нет, когда у него такое лицо, он не здесь.

На самом деле Иван думал о словах матери, о своей болезни всю ночь. Он метался от сильного жара, ему мерещились чьи-то лица, слышались голоса, но среди них всех явственней один. Это женский голос, понял он к утру, он звал его, он шел на этот голос. Ему хотелось повторить его в песне. Но в горячечном бреде не мог.

У Риты не было времени на длинные разговоры.

— Послушай, что я придумала...

Рита быстро рассказала, что собирается сделать.

— Нельзя! — Иван дернулся на постели, но Рита легонько толкнула его обратно. Голова Ивана упала на подушку. Глаза блестели, но не от жара. От возмущения. — Я не хочу обмана!

— Разве это обман? Люди из Фонда услышат твой голос. Я только донесу его до них, вот и все, — Рита пожала плечами. — Разве ты не знаешь, что на концертах певцы и певицы поют не сами, они только открывают рот? Я читала, что музыкальные фирмы ищут таланты по кассетам, которые им присылают.

— Но комиссия Фонда приехала сама, она ищет живых людей, а не голоса, — спорил Иван.

— Думаешь, я не смогу изобразить живого Ивана Гришкина? — засмеялась Рита. — Я... Я хорошо знаю твои жесты. Выйду на сцену и сделаю рукой вот так. — Рита медленно подняла правую руку, словно призывая зрителей к тишине. — А когда ты поешь о...

Иван поднял правую руку. Теперь он на самом деле призывал Риту умолкнуть.

— Я не знал, — пробормотал он сиплым голосом, — что ты следишь за мной.

— Я не слежу, я наблюдаю. Мне нравится наблюдать за тобой, — призналась Рита.

— А ты делаешь вот так, — Иван почесал правую щеку, — когда думаешь.

— Ага-а! Значит, ты тоже следишь за мной?

Иван рассмеялся.

— Я наблюдаю за тобой... Мне нравится наблюдать за тобой, — повторил он слова Риты.

Она фыркнула.

— Ну вот. Теперь веришь, что я стану тобой на сцене, а петь ты будешь у меня на груди?

— Где! — Иван дернулся, пытаясь сесть. Но Рита уже привычным жестом толкнула его обратно.

— На груди, — повторила Рита. — Все просто, не пугайся. Я подвешу магнитофон вот здесь. — Она расстегнула кофточку, наклонилась к нему и указала.

Иван быстро закрыл глаза.

— Ох, тебе плохо! Сейчас я дам тебе...

— Мне нормально, — проговорил он. — Только ты застегнись.

Если бы не жар, было бы видно, как он порозовел.

Рита удивленно посмотрела вниз. Она увидела то же, что он, проворно застегнула пуговицы.

— Все в порядке, можешь смотреть, — смущенно проговорила она.

Иван тяжело дышал, потом закашлялся.

— Я хотел перед комиссией сыграть на северном комузе. Он звучит необыкновенно.

Есть комуз среднеазиатский, но у нашего другой голос.

— В другой раз, — отмахнулась Рита. — Ты не волнуйся. Я все сделаю, как надо. Я побежала...

— Как мне жаль твои волосы, — простонал он.

— Все, — строго сказала она. — Я сделаю так, как решила, если даже придется запереть тебя в сарае, — грозно пообещала ему Рита.

Но в сарае запереть пришлось не его.

Глава 17. Противник в заточении

Отрезать волосы — дело нехитрое, если перед тобой самая простая задача: они не должны болтаться по плечам, иначе выдадут тебя. «Ну да, они выдадут тебя с головой», — закончила мысль Рита и улыбнулась. Покрасить в черный — без опыта трудно. Мама давно красит волосы в светло-золотистый цвет, но не сама, в салоне. Конечно, чтобы получилось натурально, нужна не только краска, но и умение.

Рита вертела пакетик с краской, которую она купила, не подумав. Снова читала этикетку. Нет, без мастера ничего не выйдет. Она оделась и побежала в парикмахерскую подальше от школы.

— Ты на самом деле хочешь стать черненькой? — парикмахер внимательно посмотрела на нее своими узкими глазами.

— Да, — сказала она. — Мне нужен такой цвет, как у вас.

— Д-да? Тогда тебя надо и подстричь по-человечески, — заметила девушка.

— Ладно, — сказала Рита. Она понимала, что у нее на голове не прическа, а непонятно что. У мастера — коротенькие волосы, она походила на мальчика-подростка. Вот то, что ей надо. — Тогда подстригите меня под вас.

Девушка пошевелила тонкими бровями-дугами, словно решая: соглашаться или нет. Потом защелкала ножницами.

Получилось здорово.

— Все, — сказала она. — Ты теперь похожа на нас. Ты этого хотела?

— Да, — сказала Рита, разглядывая себя в зеркале.

Ее было трудно узнать, но сейчас не это главное. Рита старалась увидеть хоть что-то, напоминающее Ивана. Она сощурилась, пытаясь придать глазам сходство с его глазами. «А что, неплохо, в общем», — решила Рита. Расплатилась и побежала в школу.

Прослушивание перенесли, вместо четырех — на три. После окончания комиссию Фонда пригласят на торжественный обед, а он должен пройти неспешно, обстоятельно. За столом гости примут окончательное решение — сколько грантов отдать интернату.

Никто не сомневался, что Галина Даниловна накроет такой стол, что грантов будет столько, сколько захочет она. Красная и белая рыба, черная икра, настойки из диких ягод всегда подсказывают правильное решение.

Потом Галина Даниловна собственноручно разольет сладкую наливку из морошки к особенному чаю из трав. Не зря она биолог и химик одновременно.

Вспоминая восхищенные рассказы об умении директрисы убеждать гостей, Рита становилась все спокойней. Если Галина Даниловна хочет, чтобы Иван поехал учиться в

Новосибирск, значит, все, что Рите надо сделать — выйти в его облике на сцену.

Она направилась в кладовку, открыла шкаф и нашла полку Ивана. Там он хранил маску шамана.

Ее нет.

Она шарила рукой по всем остальным полкам. Может быть, он в горячке положил не туда или она сама завалилась куда-то?

Ее нет нигде.

Рита втянула воздух. Она уловила запах старой кожи, так пахла маска. Значит, она была здесь недавно. Рита повела носом, обостренное от напряжения обоняние уловило кое-что еще.

Духи! Вот что.

Рита развернулась, едва не свалила стол, на котором стояло зеркало, побежала. Она знала, чьи это духи.

В их комнате пусто, Любы нет. Она в школе? Вообще-то у них каникулы, а у Любы дополнительные занятия по химии. Но как Рите с такими волосами появиться в школе?

Схватившись за голову, морщась от того, что короткие волосы впиваются в ладони, Рита обвела глазами комнату. Надеть вязаную шапочку? Будет видно, что у нее почти голая голова. На глаза попалась Любина ушанка из рыжей лисы, Рита схватила ее, надвинула на глаза и побежала.

Рита решила забежать в туалет, осмотреть себя перед зеркалом. Она толкнула дверь и увидела Любу.

Люба примеряла маску. Рита, словно ураганный ветер, налетела на нее, сорвала маску. Резинка, которой Люба пыталась закрепить маску на лице — Любино слишком маленькое для большой маски, — больно щелкнула по носу.

— Ой, — завопила Люба. — Что ты делаешь!

Девочки из младших классов врассыпную бросились из туалета.

— А ты что делаешь? — Рита шипела, как разъяренная рысь. — Пошли со мной. — Она схватила Любу за руку и потащила.

— Куда! Куда!

— Нечего кудахтать, молчи, или хуже будет.

— У меня химия! Химичка меня убьет! — отбивалась Люба. Но Рита тащила ее за собой, пальцы клещами впились в тонкое запястье.

В раздевалке Рита заставила ее надеть пуховую куртку и поволокла дальше. Она не отпускала ее ни на миг. Любу она должна держать как можно дальше от зала.

Торная тропа на снегу вела в сарай, в котором хранились ведра, лопаты, веники. Это холодный сарай, но Люба тепло одета. Рита знала по себе, что в куртке на гагачьем пуху не страшен ни ветер, ни мороз.

— Ну вот, теперь если станешь вопить, никто не услышит. Будешь сидеть, пока Иван не закончит выступление.

— Иван не может... — шипела Люба. — Ты врешь...

— Не твое дело! — оборвала ее Рита.

Рита удивилась, с какой легкостью она справилась с Любой. Она гордилась бы собой меньше, если бы знала, что у нее есть незримый помощник. Любин отец. Он давно предупредил дочь и мать: «Никаких скандалов. Тогда вы получите все, что хотите».

Могла ли Люба рисковать, поднимать шум сейчас, когда они с матерью хотели

получить еще больше? Поэтому она смирилась, уселась на опрокинутое ведро и затихла.

Рита закрыла сарай на задвижку. Теперь Любе не выбраться, пока она не выпустит ее сама.

Глава 18. Победа духа

Рита вышла на сцену. Оленья малица, унты, шаманская маска — от запахов кружилась голова. Все вокруг казалось иным сквозь прорези для глаз. На самом деле в маске мир совершенно не похож на привычный, все люди — такие далекие и непонятно-чужие. Оказывается, маска отделяет от всех того, кто ее надел. В ней ты один, сам с собой...

Рита поклонилась, подняла руку, как это делал Иван Гришкин. Потом ее пальцы юркнули под малицу, нашли кнопку и... Рита удивила себя — под аккомпанемент голоса Ивана она открывала рот под маской. Оказывается, она впитала в себя каждый звук, слушая ночью запись. И сейчас снова услышала то, что Иван уже спел, но пока еще не понял сам...

Она точно знала, второй голос, которым он пел, ее голос. Значит, он пел о любви?...

Аплодисменты заставили вздрогнуть. Их не должно быть на прослушивании. А потом Рита услышала голоса:

— Ах, какой мальчик...

— Звонящий мальчик...

— Прелестно... Я хочу поговорить с ним...

Рита юркнула за сцену. Поговорить? Нет, нет, никто не должен увидеть ее.

— Он очень, очень скромный, — слышала она голос Галины Даниловны. — Боюсь, вы не найдете его сейчас. Завтра, когда станете вручать ему грант... Вы ведь решили, что Иван Гришкин должен учиться в Новосибирске, правда?

Голос директрисы звучал настойчиво, уверенно. Через секунду Рита услышала желанный ответ:

— Да, да, да! Вы еще спрашиваете! Он, если говорить правду, достоин Москвы. Но его очень ждут в Новосибирске. Ему уже приготовлено место...

Рита побежала к Ивану. Она постучала условным сигналом в дверь. Он открыл ее. Он стоял одетый, но слегка качался.

— Нет, тебе не нужно появляться там до завтра. Все здорово. Тебе дадут грант. Ура!

Рита шлепнулась на стул. Иван смотрел на ее стриженую и крашеную голову.

— Ну как? Я похожа на манси? — спросила Рита, перехватив его взгляд.

— Все равно ты не похожа на манси, Рита. Даже с черными волосами.

— Не похо-ажа! — протянула она. — Это ты так говоришь, а они подумали, что я — это ты.

Иван подошел к ней еще на шаг, положил руки на плечи.

— Ты обманула их, но меня не обманешь. Ты — не я. Ты — это ты...

Рита почувствовала, как забилося сердце. Ей почему-то стало неловко и... страшновато. Она вывернулась из-под его рук и вскочила.

— Ой. Мне надо ее выпустить!

Иван не спрашивал кого. Он встал у нее на пути, пристально посмотрел в лицо и сказал:

— Я понял, почему мой дух ослабел. Он обиделся, потому что я его не понял, — голос Ивана стал едва слышным. Но Рита поняла не только произнесенные слова, а даже их особенный смысл.

— Значит, ты его не понял? — переспросила она так же тихо. Она чувствовала сейчас, как ее собственный дух слабеет, только по другой причине. Она слишком хорошо поняла его... И она сопротивлялась...

— Я сам не знал, о чем пел в этой маске. Теперь знаю. — Иван поднял руку и провел пальцами по Ритиной щеке. — В мою песню вошла ты, Рита. Девушка с волосами цвета оленьего молока. Помнишь, говорила мама, я должен что-то узнать, кого-то узнать?

— Ты узнал, да? — пробормотала Рита, чувствуя, как загорелась щека под его пальцами.

— «Это», говорила мама. Теперь я знаю, что такое это.

Рита вырвалась из его рук, она боялась того слова, которое он сейчас произнесет. Она это чувствовала, его пальцы уже сказали ей, его голос, его взгляд...

— Я должна ее выпустить... — бормотала она.

— Любовь, Рита, — тихо сказал он. — Вот что такое это.

Рита выскочила из комнаты без шапки, она оставила ее у Ивана, почти безволосую голову стиснул мороз, но она не чувствовала.

Как хорошо, что рукавицы пришиты к малице, они болтаются на кожаных ремешках.

Рита отодвинула металлический засов, он такой холодный, что без рукавиц к нему прилипли бы руки.

Рита открыла сарай, приготовилась сказать Любе что-то примирительное. Но слова застряли в горле от изумления. На нее смотрело совершенно счастливое лицо.

— Мне только что позвонила мать, — она покрутила перед собой мобильник. — Мы улетаем. Отец купил нам дом в Венгрии. Ха-ха! Я знала, мы с матерью его дождем. — Она стиснула кулаки и показала как. Так выкручивают белье, когда нет стиральной машины. — А ты можешь забирать своего Ивана... Он мне не нужен. Катись вместе с ним куда хочешь!

Рита вернулась в комнату и упала в кресло. Ну вот, все закончилось. Но странное дело, она испытывала не только облегчение, напряжение не отпускало ее.

Она посмотрела на тумбочку, увидела свой мобильник. Позвонить родителям? Отвлечься от непростых мыслей, которые засели в голове?

Родители звонили Рите часто, присылали посылки. Мама то и дело говорила с Галиной Даниловной. Казалось, им неловко, что они отправили ее сюда. Глупые, они же понимают, что она не Петруша? Когда он родился, ей было девять. Рита обрадовалась его появлению — теперь родители отвлекутся от нее, а это означает большую свободу. Но чтобы обладать такой свободой, как сейчас, ей присниться не могло.

Она на самом деле хочет в Новосибирск? А не домой? Впрочем, пока еще не ясно, где у них будет дом. Не в Тюмени, это точно. Конечно, было бы здорово, если бы отца перевели в Новосибирск. Тогда она жила бы дома, а Иван приходил бы к ним хоть каждый день.

Телефон зазвонил, запрыгал на тумбочке.

Рита схватила его. «Мама» высветилось на дисплее.

— Алло! Привет, мама! — крикнула она так громко, словно хотела докричаться до нее без телефона.

— Привет, дорогая дочь. — Когда мама называла ее так, это означало наивысшую степень волнения. — Вот, все закончилось, не могу сказать, как я рада. Папа получил приглашение. Куда ты думаешь?

Рита почувствовала, как сердце катится вниз.

— К-куда? В Новосибирск? — вырвалось у Риты.

— Нет, бери выше. — Она засмеялась. — В Москву. Мы все переезжаем в Москву.

— Но мама! Как же я поеду в Москву? Учебный год не закончился! — Рита чувствовала себя так, будто из нее уходит сама жизнь. Ее жизнь, в которой интернат, Иван...

— Ты на самом деле готова доучиться там? — Голос мамы звучал удивленно. — Я думала, ты ждешь не дождешься, когда мы тебя вызволим из ссылки.

— Мама, — с облегчением засмеялась Рита. — Я уже говорила, что это эмиграция.

— Ты на самом деле готова доучиться там? — Мама хотела получить твердый ответ.

— Ну конечно! — Рита снова кричала. Она так надеялась, что останется здесь до конца года.

— М-м... Хорошо, я позвоню Галине. Снова. А то я сказала, что забираем тебя сразу после этих каникул. Конечно, мы должны устроиться в Москве, я полагаю, будет лучше, если мы не сорвем тебя в конце года с места. Да, она мне что-то хотела сказать о твоих успехах. Но связь пропала, я не поняла...

— Мама, про это я скажу тебе отдельно.

— Хорошо, твой голос мне нравится. Целую.

Рита нажала сброс на мобильнике.

Все пошло не совсем так, как думала Рита.

Глава 19. На качелях

— Жизнь — это такие качели, — вспомнила Рита слова бабушки, произнесенные... как? Со вздохом? С удивлением? С восхищением? Пожалуй, с восхищением.

— От радости до печали — один пролет, — сказала мамина мама.

Рита была слишком занята собой, поэтому не очень-то вникала в ее слова.

— Р-раз — и передо мной внучка-красавица. А я не хотела, чтобы моя дочь выходила замуж слишком рано.

Мама вышла замуж слишком рано? Она до сих пор не задумывалась, когда именно это произошло. Рита много раз слышала, что мама училась на третьем курсе университета, когда встретила папу на новогоднем маскараде в студенческом клубе МГУ. Значит, маме было двадцать лет?

Рита удивилась, но не отвернулась от зеркала. Она рассматривала свои короткие, черные, подстриженные и покрашенные под Ивана волосы.

Но что было делать маме? Если бы она не вышла замуж, то... А то, что сейчас не было бы ее, Риты.

А если бы Рита не устроила «переселение душ», Иван не получил бы гранта... Между прочим, Галина Даниловна обо всем догадалась. Она встретила ее в коридоре и тихо сказала:

— Ты молодец. Светлана предупреждала, что ты способна откинуть что-то этакое. Но до сих пор ты была пай-девочкой, я думала, что она сгущает краски, как каждая мать. — Директриса засмеялась. — Ничего, волосы отрастут, отмоются...

Мысли прыгали, они плясали и топали в Ритиной голове. А если бы мама увидела ее с такими волосами? Или у нее был бы мобильник с цифровой камерой?

Она покрутила головой, невольно ожидая привычного движения густых длинных волос. Они всегда шлепали по лицу, просветляя мысли. Но сейчас ничего, кроме прохладного ветерка, она не ощутила.

— Нет, нет, это не моя дочь! — исступленным голосом прошептала Рита, изображая

маму. — Это камера виновата, с ней что-то случилось!

Рита представила круглые мамины глаза, а в них — неподдельный ужас. Потом уже своим собственным, нынешним голосом Рита ответила:

— Мама, это не я. Ты видишь одного... человека. Его зовут Иван Гришкин. Я стала им... На время. Так надо.

Рита умолкла. Ей не хотелось отвечать мамиными словами. Скорее всего, трубку перехватил бы папа... Петруша тоже захотел бы посмотреть, что случилось с сестрой.

«Но волосы отмоются», — отрастут, сказала себе Рита и смело посмотрела в зеркало. Бабушка права: жизнь — качели. Так и летаешь на них: от хорошего — к плохому, от плохого — к хорошему.

Но... кто это там, в глубине стекла? Это не ее лицо, это лицо Ивана. Неужели... неужели перевоплощение, которое начала она сама, продолжается?

— Привет. — Она увидела, как двигаются губы на широком лице. Быстро обернулась.

— Фу-у, ты так тихо вошел, я не слышала.

— Вот, — сказал он, — тебе.

— Что это? — Она смотрела на сверток.

— Подарок. Я хотел дождаться дня рождения, но не мог.

Рита приняла сверток, перевязанный зеленой ленточкой.

— Ого, — пробормотала она. — Что это...

Пальцы развязывали узелок на ленте, он был странный, но Рита умела распутывать самые замысловатые. Папа научил, когда пытался вырастить из нее девочку с мальчишескими талантами. Правда, мама быстро остановила его, пообещав родить настоящего мальчика. А девочка пускай ею останется. Но кое-чему он успел научить Риту.

Рита развернула бумагу. Ого! Она увидела то, о чем мечтала. Она держала в руках унты из оленьего меха, расшитые бисером. Рита сразу узнала солнечные круги — особый знак семьи Ивана Гришкина. Но в орнамент входили не только они.

— Елочки-человечки-тропинки-речки... — бормотала Рита.

— Твой размер, — заметил он. — Когда ты спала у нас дома, я измерил твою стопу, — признался Иван.

— Ты? Я не слышала...

— Нет, — он улыбнулся. — Ты пробежала двадцать километров на лыжах. После этого спят, как говорит отец про ездовых собачек, без задних ног.

Рита покраснела.

— Я мог бы измерить твой след на снегу, — добавил он, — но тогда размер вышел бы неточным. Мама хотела и девочки тоже, чтобы они тебе подошли. Они шили их все вместе. Украшали тоже.

Она хотела кинуться ему на шею, расцеловать его. Сказать, что целует вовсе не его, а его маму, сестер... Но удержалась.

— Спасибо, Иван. Передай своей маме и девочкам, что я... что мне... Ну в общем, здорово...

— Надень, — приказал он. — Я должен им сказать правду.

Рита нахмурилась, неуверенная, что надела носки без дырок. Ей было лень штопать шерстяные носки.

— Ну... ладно, — пробормотала она, сбросила правый сапог, быстро засунула ногу в один унт.

— Как раз, — выдохнула она с облегчением по двум причинам сразу. Носок в порядке, и унт подошел.

— Второй, — монотонным голосом приказал Иван.

Рита подчинилась.

— Все отлично, — сказала она, пройдясь по комнате. — Я теперь настоящая манси? — Иван наклонил голову набок, испытующе глядя на Риту. — Не спорь, очень важная комиссия признала во мне тебя.

— Конечно, признала, потому что ничего не понимает, — Иван поморщился.

— Разве я плохо вошла в твой образ? Никогда не соглашусь!

— Никогда не надо соглашаться, если считаешь по-другому, — спокойно заметил Иван. — Эти унты — благодарность всей моей семьи.

— Ты им рассказал? — Она быстро повернулась к нему.

— Конечно. У меня нет тайн от семьи, — говорил Иван, любуясь унтами на Ритиных ногах. — Скажи, ты была когда-нибудь в Новосибирске?

— Никогда, — ответила Рита и почувствовала, как настроение упало. Но она снова посмотрела на яркие унты и повеселела, они вернули ей солнечный свет. — Как в них тепло! — Она села на стул и постукала унтами друг о друга.

— Я думаю, там можно в них ходить, — продолжал Иван.

— В них можно ходить даже в Москве! — воскликнула Рита.

— В Москве? Ты там была?

— Нет, — сказала Рита. Она уже открыла рот, чтобы рассказать Ивану новость — ее отца переводят в Москву. Но он огорчится, а ей не хотелось.

Все так хорошо они продумали — после окончания учебного года директриса везет их в Новосибирск. Иван устраивается в музыкальную школу, ее открыли выпускники консерватории, увлеченные этнической музыкой. Со всего Севера и Сибири они собирают талантливых ребят, учат, а потом создают ансамбли и везут на гастроли. Иван рассказывал, что такие, как он, «звонящие мальчики», выступали в Германии, Швеции, Финляндии, Венгрии.

Рите приготовлено место в спортивной школе, у брата Галины Даниловны. Он набирает группу будущих биатлонистов.

На самом деле Рита мало что знала о биатлоне. Только главное — надо хорошо бегать на лыжах и метко стрелять. Похоже, у нее талант к тому и другому. А брат Галины Даниловны соединит ее таланты.

«А теперь — кто знает, что будет», — думала Рита.

— Прогуляем их? — спросил Иван, указывая на унты.

Рита вскочила.

— Конечно. Вот если бы еще надеть малицу...

— Наденешь мою, — сказал Иван.

Рита быстро оделась, они вышли. Уже нет такого мороза, как зимой, по неясным признакам, по запахам ясно — скоро весна.

Зазвонил мобильник, Рита выдернула его из кармана. На дисплее высветилось: «Мама».

— Привет, мам!

— Рита, мне позвонила Галина, она объяснила, какая ты у нас талантливая спортсменка.

— Ха-ха-ха! — отозвалась Рита, оттягивая момент, когда мама скажет что-то важное.

Она чувствовала это по ее тону.

— Так вот, мы с папой подумали, что ты уже достаточно взрослая, чтобы решить. Если хочешь воспользоваться случаем, то есть грантом, можешь поехать в Новосибирск. Галина говорит, все воспитанники ее брата становятся чемпионами. Сейчас спорт — хороший бизнес, кроме всего прочего.

— Мне дали грант на год, мам! — Рита чувствовала, как сердце зашло от радости. — Если я окажусь бездарью, я сразу прилечу к вам.

Теперь смеялась мать.

— Конечно, куда еще лететь бездари! Никто, нигде ее не ждет, только родители и дом. Но я приеду в Тюмень летом, ты тоже. Соберем вещи и разъедемся, — она хрипло засмеялась. — Да, дочь, жизнь — это качели, но не мы их раскачиваем. У тебя все в порядке?

— Конечно. Все прекрасно. Знаешь, что на мне сейчас?

— Что? — с опаской спросила мама, представив ненавистные рваные джинсы или еще что-то, вроде пирсинга.

— Унты и малица. Унты мои собственные, их подарил мне мой друг Иван. И его малица.

— А... он в чем же? — В некоторой растерянности спросила мама.

Рита услышала ее растерянность.

— Как в чем — в куртке. Это его концертная малица. Он певец. Он «звонящий мальчик».

— Послушай, какой-то треск на линии, я плохо понимаю. Главное, ты одета по погоде, я правильно поняла?

— Ладно, мам, целую тебя, папу, Петрушу.

— Мы все тоже тебя целуем. А Петруша рисует тебя на Севере. Он собирается сделать альбом. Да, передай привет другу Ивану.

— Обязательно.

Рита отключилась и повернулась к Ивану.

— Тебе привет от моей мамы, — сказала она. — Как ты думаешь, жизнь — это качели? — Она сощурилась и внимательно посмотрела на него.

— Качели? Почему? — Иван пытался представить себе качели, но он никогда не качался на них. Он видел в городе, на детских площадках, правда, в голову не приходило усесться в корытце и оттолкнуться от земли. Короткое жаркое лето с комарами и холодная снежная зима не располагали устраивать качели возле дома.

— Еще утром я думала, как тебе признаться, что я не поеду в Новосибирск. Но позвонила мама и сказала, что я должна решить сама.

— И ты... — Иван резко остановился. В глазах стоял вопрос.

— Конечно. Неужели можно отказаться от гранта! — Она подпрыгнула и закричала: — Ура! Ура! Ура!

Иван смотрел на нее, глаза становились все уже, потому что улыбка растягивала вширь без того широкое лицо. В нем проступали черты матери-алтайки, Рита хорошо помнила, как она улыбается.

Рита замерла, прислушалась. Что это, жужжит жук? В точности, как майский. Но откуда взяться майскому жуку среди снегов, пускай даже мартовских?

Но он жужжал. Рита внимательно посмотрела на лицо Ивана. Спокойное, приветливое,

обычное. Только крылья носа легонько вздрагивают. Она толкнула его в грудь:

— Вот кто майский жук.

Иван упал на снег, увлекая ее за собой. Прижавшись ухом к его груди, она замерла и слушала.

Жук жужжал, ей становилось все теплее и теплее. Как будто на самом деле пришел май... Прилетел на качелях?

Глава 20. Тебе поверю — всегда

В Новосибирске в большом кирпичном доме с толстыми стенами на Красном проспекте было общежитие для музыкантов. Там жил Иван Гришкин. Риту поселили в Академгородке, где располагалась спортивная школа. Расстояние между ними такое, о каком они подумать не могли, отправляясь в этот город.

Иван вообще плохо знал, что такое город, а Ритину Тюмень не сравнить с огромным миллионником, как называли Новосибирск.

Они встречались редко, от чего каждая встреча казалась значительной. Взрослые утверждают, что любовь в четырнадцать лет — не более чем любовь брата и сестры. Но так говорят те, кто забыл, что такое настоящая любовь. Когда любят не за что, не почему, а просто потому, что хочется Ей стать им, а Ему — ею.

Рите нравилось чувствовать себя сильной, на трассе у нее возникло именно это ощущение. Оно горячило кровь, но мишень, которая появлялась перед ней в конце каждого круга, заставляла «выключать» этот огонь. Потому что меткий выстрел требует умения взять под контроль все свои чувства.

Пробежав круг с винтовкой за спиной, она подкатывала к стрелковому коридору, в пятидесяти метрах от нее белела металлическая мишень с пятью черными отверстиями. У нее в магазине пять пуль, ими она должна поразить черные тарелки. Они упадут, а на их место поднимутся белые тарелки. Если нет на мишени черных пятен, значит, она не промахнулась, и у нее не будет штрафных очков.

Рита одинаково метко стреляла и лежа, и стоя. Легкая, сильная, гибкая в оранжевом беговом костюме, с невесомыми палками, в удобных ботинках, с винтовкой на спине, она обещала своему тренеру победу за победой.

Он помогал ей. Ей исполнилось четырнадцать с половиной, когда она стала мастером спорта по лыжным гонкам.

Рита Маслова выступала в команде юниоров, но тренер собирался выставить ее в женской команде на региональных соревнованиях. Это допускается по регламенту.

Несмотря на то что Ивану надо беречь горло, он бегал на лыжах с Ритой, стрелял, когда приезжал к ней в свободный день. Тренер, наблюдая за ним, говорил — если не задастся карьера певца, пусть приходит в биатлон.

Но Иван пел все лучше, в зимние каникулы он уезжал на гастроли в Екатеринбург.

Рита тоже делала успехи, она собиралась с командой в Пермь, на юношеские соревнования по биатлону.

Оба вернулись с наградами.

— Ты знаешь, когда прошли первые соревнования по биатлону? — Рита смотрела на Ивана так, будто призывала его удивиться еще до того, как она ему скажет, когда это было. — Ты просто не поверишь...

— Тебе поверю, — тихо сказал он. — Всегда.

Она рассмеялась, потому что мурашки, которые пробежали по спине, ее испугали. Он так произнес слово «тебе» и слово «всегда»... Она, чтобы не думать ни о чем постороннем, выпалила:

— В 1767 году! Две с половиной сотни лет назад! Биатлон придумали норвежцы. Сначала охотники, а потом на лыжи с винтовками встали военные.

— Ого, — Иван удивился. Но, кажется, меньше, чем она ожидала. Похоже, его удивило больше то, что, наконец, они с Ритой встретились.

Они шли по аллее Академгородка, Иван приехал к ней в воскресенье, одно из редких свободных.

Они не думали, что в Новосибирске будет так трудно встретиться и главным способом общения будут «эсэмэски».

— Я выбрала индивидуальную гонку, — рассказывала Рита.

— Сколько километров? — спросил Иван.

— Пятнадцать. У меня будет по пять мишеней на четырех огневых рубежах, — гордо сообщила она.

— Мой отец уверен, что ты не промахнешься.

— Ой, не надо. Потому что за каждый промах прибавляют минуту времени. А ее нагнать... у-у-у...

— Тяжелая винтовка? — спросил Иван.

— Не тяжелее, чем у твоего отца. Три с половиной килограмма. Но чтобы она не падала из рук, мы будем летом заниматься греблей.

— Да, гребля прибавляет силы, — согласился Иван. — Если бы мы с тобой летом поехали к моим родителям, ты бы гребла на наших лодках...

— Что ты! Летом мы должны гонять по специальной лыжероллерной трассе. — Рита даже замахала руками.

— Понимаю. Я тоже летом не поеду домой. Гастроли, — сказал Иван.

Весной срок гранта истек. Родителям Риты пришлось решать: если она остается в этой спортивной школе, они должны платить за учебу. Потому что она — не представитель малого народа Севера.

С Иваном все по-другому. Он манси, у него редкий дар, и сама школа готова учить его бесплатно.

Ритины родители, которые уже устроились в ближнем Подмосковье, в Одинцово — на электричке до Москвы полчаса, подумали и решили, что лучше всего дочь устроить в здешнюю спортивную школу, тем более, у нее заметные успехи в биатлоне.

Качели опустились вниз из поднебесья...

Глава 21. Какой ты крови?

— Ты знаешь, что такое биотоп? — спросил Ритин отец свою жену.

Неожиданным вопросом он хотел остановить поток слов, который обрушился на него. Сейчас они говорили о дочери и ее друге, Иване Гришкине. Жена никак не могла понять Риту — надо же, ее самый-самый близкий друг, как она называла его, представляя родителям, так выглядит.

Сейчас она умолкла, пытаясь понять, чего хочет от нее муж.

— Биотоп, — повторила она. Было видно по лицу, как быстро перебирает Светлана Андреевна в голове разные слова, расставленные в своем, только ей известном порядке. Конечно, это слово она знает, она изучала биологию.

— Это... это место обитания определенного вида живых существ, — наконец сформулировала она. — А что? Почему тебя интересует это понятие? Кажется, мы говорим о вещах более простых. Я волнуюсь...

— Потому что биотоп, — снова прервал поток слов Николай Дмитриевич, — зависит не только от тех, кто населяет определенное место. Сам биотоп зависит от тех, кто его населяет. Понимаешь? К примеру, в степи живут дикие козы. Они вытаптывают подрост, только поэтому степь остается степью, а не покрывается кустарником. Что происходит, когда козы исчезают?

— Что, что, — сердито фыркнула Светлана Андреевна.

— А то, что подрост становится кустарником, потом лесом. И это уже совершенно другой биотоп...

— К чему ты клонишь? — вдруг рассердилась она.

— Я клоню к тому, что из-за нашего вмешательства биотоп Ивана Гришкина и его родных исчезает. Они вынуждены покидать его.

— Так что же?

— А то, что я сам, своими поисками нефти на его землях, толкаю его навстречу нашей дочери. Не он преследует ее, как ты только что сказала, я гоню его следом за ней. Поэтому нужно отнестись к нему и к чувствам дочери...

— Ага-а, ты испытываешь чувство вины за изменение биотопа, а дочь — плата за вину? Ты хочешь, чтобы твои внуки были наполовину манси?

— Почему нет? Главное в отце детей — талант. Я — живой тому пример.

— Ты-ы! — выдохнула Светлана. — Из-за тебя наша дочь училась в интернате черт знает где! А там...

— погоди, не горячись. Если бы не мой талант, мы все жили бы до конца дней где-нибудь на буровой, в вагончике. Забыла, как там? — Он насмешливо посмотрел на жену.

— Ну... помню. Я все помню... Но ты же не манси.

— Нет, но моя бабушка кто? Не помнишь? Она башкирка. — Николай Дмитриевич с улыбкой посмотрел на жену.

— М-м-м... — что-то неопределенное пробормотала Светлана Андреевна.

— Так что, моя дорогая и прекрасная, я не имею ничего против, если Маргарита захочет слушать горловое пение до конца дней. Он на самом деле одаренный парень.

— Ты давно стал экспертом по горловому пению? — запальчиво спросила жена.

— Моя бабушка пела, причем, очень похоже. Но тогда эта техника пения была не в моде.

— А сейчас в моде? Можно подумать, ты разбираешься в музыкальных направлениях, — проворчала жена.

— Конечно. Я сказал — талантливый мужчина талантлив во всем. — Он захихикал, как школьник-ябеда. — Ладно, признаюсь. В машине я слушаю разные станции. Ребятишки-диджеи убедили меня: моя дочь знает, с кем иметь дело. Она, кстати, рассказывала тебе, что Иван уже пел в трех странах?

— Нет, — ответила жена и удивилась. — Может, говорила, но я так огорошена ее увлечением, что пропустила мимо ушей.

— Да говорила я тебе, говорила! — влетела в комнату Рита, которой больше не хотелось подслушивать. — Иван пел в Германии, Финляндии и Венгрии.

— А гонорары? — спросила мама.

— У-у, ему столько заплатили, что он купил своим сестрам и братьям цифровую фотокамеру.

— Зачем? — строго спросила мама.

— Затем, что они будут снимать и посылать ему по электронной почте картинки.

— Молодец, — похвалил папа. — Но он мог бы купить и видеокамеру. — Он сел в кресле поудобней, приготовился рассказывать о преимуществах разных моделей камер.

— Постой, — мама подняла руку, — сейчас это неважно. Он, этот твой Иван, на гастролях?

— Он поехал в Польшу. Там у него куча поклонников. И, я думаю, поклонниц, — закончила Рита.

— Да-а? Вот так? — папа с усмешкой посмотрел на нее. — Но, насколько мне известно, северные люди верные. Если в слове северные убрать две первые буквы, что получится?

— Верные, — удивилась Рита.

— Вот именно.

Она слышала весь разговор родителей, слова матери ее насторожили и огорчили. Дело в том, что подруги говорили ей примерно то же самое.

— Рита, у тебя со зрением все в порядке? — спрашивала подруга по команде.

— Бью без промаха, — бросала она весело.

— Да кто сомневается, — фыркали девчонки. — Но у тебя странное зрение — ты не видишь, как на тебя смотрит потрясающий бобслеист?

Не слова, сказанные против Ивана, не насмешки подруг, не мамины предостережения, а время и расстояние делали свое дело.

Иван жил в Новосибирске, Рита — уже в Москве. Они перезванивались, писали друг другу по электронной почте. Иллюзия присутствия была, но лишь иллюзия.

Иван писал ей о старых знакомых, о Любе, которая теперь живет в Венгрии. Он заходил к ней, когда гастролировал в тех краях. Она так здорово делает маски, они так хорошо расходятся, восхищался Иван. Люба подарила ему целый набор. Теперь, когда он выступает, всегда говорит, что маски — ее работа.

Конечно, думала Рита, читая эти строчки, они родные по крови. Не кровные родные, но по мансийской крови, которая в них течет.

С бобслеистом она познакомилась, он на самом деле красивый парень, из команды чемпионов. Интересно с ним было недолго, может, думала она, дело в слишком одинаковой крови? О чем с ним говорить — «голы, очки, секунды», как назвал его папа, перекинувшись с ним несколькими фразами по телефону. Он не сам придумал это название: когда папа был мальчиком, он любил спортивную передачу на радио с таким названием.

Вспоминая сравнение жизни с качелями, Рита думала, что ее качели никак не могут взлететь с тех пор, как она в Москве. Она хорошо бегала, хорошо стреляла, хорошо училась, но для взлета не хватало Ивана — рядом.

Наконец, он приехал, Рита пригласила его в гости, с тех пор родители не могут успокоиться...

Но что такое один приезд? Когда он жил рядом, у нее все получалось легко, а без него успехи давались с трудом. Она даже спрашивала себя, не бросить ли ей биатлон.

«Но на соревнования в финский город Тампере она должна ехать», — без всякой радости говорила она себе.

Глава 22. Кое-что о гармонии

Лыжи на ногах, винтовка за плечами такие тяжелые... Вчера на тренировке в Тампере Рита даже испугалась, что упадет под их тяжестью.

Упадет? Но... падение — не всегда... несчастье, неожиданно пришло в голову. Однажды она упала, а рядом шел Иван. Он поднял ее... Рита до сих пор помнит свежий запах его щеки. Она случайно коснулась ее, наклонившись, чтобы поправить шнурки на ботинках.

— Хочешь, я завтра пробегу вместо тебя? — спросил он.

— Но это будет не мой результат, — она покачала головой.

— Я могу превратиться в тебя, — он засмеялся. — Надену твою шапочку, твою куртку, я знаю, как ты держишь спину, когда бежишь.

— Ага, думаешь, судья не заметит? — Она покачала головой.

— Но ведь ты... пела за меня?

И они хохотали...

Даже сегодня, хотя прошло столько времени, Рита отчетливо помнила его голос, его смех...

Конечно, Иван не бежал за нее, она сделала это сама, удачно, как будто он помогал ей, невидимый. Она заметила, что всякий раз, когда ей трудно на дистанции, стоит вспомнить об Иване, сил прибавляется. Меткости тоже. Винтовка не такая тяжелая, мишень кажется ближе...

Но идет время, а Иван уходит от нее все дальше...

Сегодня у Риты свободный день. Она решила посмотреть город. Она вышла из гостиницы.

Бесшумно подкатил автобус, Рита взглянула на него, в глазах помутилось. С рекламной картинки, нарисованной на боку автобуса, смотрел... Иван.

Рита отвернулась. Ага, глюки начались. Переутомление, она так и думала, что эти соревнования отняли у нее слишком много сил.

Рита снова повернулась к автобусу, он стоял, водитель не закрывал дверь. Наконец, Рита сообразила, что он ждет ее. Она покачала головой, не отрывая глаз от рекламного Ивана, запоминая адрес клуба, в котором объявлен концерт этнической музыки.

Автобус бесшумно укатил.

Рита почувствовала забытую легкость в теле. Казалось, она может добежать до этого клуба! Там — Иван! Но из-за угла вынырнуло такси, она помахала рукой. Машина остановилась, Рита села, назвала адрес клуба.

Она ехала со странным чувством. Как будто кто-то пообещал ей, что там и только там она узнает, как ей снова ощутить прежний азарт и силу. Стать такой, какой была рядом с Иваном в школе-интернате.

Возле клуба такси остановилось. Рита вышла и увидела киоск, в котором продавали... маски. Она не верила своим глазам: все они — копии масок манси, но из бумаги.

Рита протянула руку, взяла одну. Такая, как та, в которой она стала Иваном Гришкиным. Она вынула кошелек, заплатила, надела ее.

Снег... Пестро-шерстяные лайки вокруг Иванова отца. Он кидает им куски красной рыбы. Красная на белом снегу. Она зажмурилась.

Дом Гришкиных, полный детей... Вопрос: «А что ты умеешь делать как девочка?». Она улыбнулась. Теперь гораздо больше, чем прежде. «Например?» — спросила бы сейчас сестренка Ивана Аля. А что бы она ответила?

Что? А вот что: теперь она знала точно, как отличить человека своей крови от чужой.

— Сюда, сюда, — позвал женский голос. Сильная рука, слишком сильная для такого высокого голоса, взяла ее за локоть. — Мы вас ждем.

Рита, не снимая маски, пошла за ней. Мистика? А что еще можно ждать от маски? Она вела ее, Рита подчинялась.

Женщина провела Риту за кулисы.

— Иван Гришкин уже на сцене, — сказала она. — Идите туда.

Рита не понимала, что происходит, но не спорила.

— Мы все поем вместе с ним. — Сильная рука подтолкнула Риту к сцене.

Иван... Это его голос... Она почувствовала, как отозвалось сердце. Рита открыла рот, набрала воздуха, положила руку на диафрагму, она колебалась. Дрожащий звук, похожий на плач, вырвался изнутри. Воздуха не хватало. Она открыла рот, чтобы набрать его снова, много.

— Я слышу тебя, — раздался тихий голос.

Она повернулась. Рядом стоял Иван.

— Здравствуй. Я знал, что ты придешь сюда сегодня.

— Но... почему? — Она смотрела на него сквозь прорези для глаз.

— Ты забыла, какое сегодня число? Сегодня двадцать первое марта. День весеннего равноденствия. В тот день ты пела за меня.

Рита смотрела на него во все глаза. Он стал выше ее на голову за тот год, что она не видела его. Он был подстрижен почти наголо, но она знала, что это модно. Глаза, которые смотрели в упор, казались больше. Какой красивый...

— Но откуда ты узнал, что я... в этом городе? — хрипло спросила Рита.

— Читаю газеты, — сказал Иван. — О чемпионах пишут.

— Но мне не везет, — призналась Рита. — Уже давно не везет.

Он протянул руку, убрал с ее щеки светлую прядь волос. Она забилась под маску, которую Рита опасалась снимать. Под ней не видны щеки цвета пожара.

— Теперь станет везти. Дух нашего племени берет тебя под свое крыло, — прошептал он ей в ухо. А потом осторожно потянул маску. — Ну вот, теперь я вижу, что это ты. Но что с тобой случилось? — Он вскинул брови.

— А что? — торопливо проговорила Рита и прижала ладони к щекам. — Что-то не так?

— Ты стала такая... красивая... Это говорю не я, так подсказывает мне дух племени.

Рита засмеялась.

— Да ну тебя, дух племени, — пробормотала она. — Скажи, Иван, а что здесь сегодня происходит? — спросила Рита, озираясь. — В масках — кто это?

— Поклонники горлового пения Ивана Гришкина. — Он нарочито высоко поднял подбородок. — Все, кто хочет стать им, хотя бы на время.

Рита смотрела на него, а губы разъезжались в улыбке.

— Это ты подсказала мне такую мысль, а мой менеджер превратил ее в коммерческое представление.

— А... откуда столько масок? Кто их делает?

— Люба.

— Люба? Та самая? — воскликнула Рита, что-то внутри оборвалось. Значит, Иван и Люба снова...

Иван быстро наклонился к ней и сказал:

— Это ее работа. И больше ни-че-го...

Рита подняла руки, а он опередил ее, обнял.

— Значит, столько народу хочет быть тобой? Тебе это нравится?

Он засмеялся.

— Они не понимают, что в маске они становятся не мной, а собой. Скрывая от других лицо, человек возвращается к себе.

— Значит, твой менеджер их обманывает? — Она кивнула на толпу.

— Нет, просто сами люди так решили, а он с ними не спорит.

— Как жаль, что ты не в Москве, — сказала Рита. — Если честно, мне тебя очень... очень... недостает.

Внезапно его лицо стало серьезным.

— Мне тоже, Рита. — А потом расплылось и стало еще шире от улыбки. — Но я стараюсь. После этих гастролей я переезжаю в Москву. Буду учиться в консерватории.

— Правда! — Рита подпрыгнула. — Это правда?

— Да, — сказал он. — Мне предложил педагог, который знает толк в настоящей этнической музыке, учиться в его классе.

— Значит, мы будем видеться с тобой!

— Всегда, когда ты захочешь, — сказал он.

— Как здорово... такая неожиданность... — бормотала Рита. Она теребила маску, бумага порвалась до дыр.

— Никакой неожиданности, — Иван покачал головой. — Моя мама говорит, что все правильное — гармонично.

— Значит, то, что мы теперь будем жить в одном городе — это правильно?

— И гармонично. А значит, нас ждет успех, — сказал Иван.

Они гуляли по зимнему городку при свете фонарей, потом Иван проводил Риту до гостиницы.

В эту ночь она спала спокойно, как не спала давно. Теперь все будет хорошо, потому что Иван снова рядом.

Внимание!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

После ознакомления с содержанием данной книги Вам следует незамедлительно ее удалить. Сохраняя данный текст Вы несете ответственность в соответствии с законодательством. Любое коммерческое и иное использование кроме предварительного ознакомления запрещено. Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей и является рекламой бумажных изданий.

Все права на исходные материалы принадлежат соответствующим организациям и частным лицам.